

ТИМОФЕЙ
ГОРШКОВ

КУПОЛА

Мир, сгоревший в радиоактивном огне собственного солнца. Мир, где последние люди выживают, защищённые километрами водного слоя. Мир, где остатки цивилизации вот-вот окончательно погрузятся в вечную тьму. И юноша из чужой эпохи, отчаянно пытающийся найти свой путь к свету. Найдёт ли он то что ищет, а главное — сможет ли остаться собой?

Глава 1: Первый купол

Шаги гулким эхом отдавались от стен Первого купола. Когда-то в нем кипела жизнь, но сейчас напоминанием о пребывании человека служили только витавшая в воздухе пыль, да изредка попадавшиеся вещи, оставленные на полу. Большая часть из них была полуистлевшими детскими игрушками, но встречались и тяжелые чемоданы, о которые легко споткнуться в крошечной тьме. Даже сейчас ощущались те ужас и суматоха, что царили здесь тридцать лет назад. Немногие беженцы с поверхности, кому посчастливилось спастись под водой, в ту пору сидели на холодном стальном полу Первого купола, ожидая транспорта, который отвезет их еще глубже.

Андрей в очередной раз споткнулся и на сей раз не смог удержать равновесие. Удар об пол оказался болезненным и поднял много пыли, окончательно лишая возможности что-нибудь разглядеть. Немного полежав, он собрался с силами, и, слегка приподнявшись, пополз ощупывать предмет, послуживший причиной падения. Вместо чемодана рука наткнулась на связку проводов, прижатых к полу металлическими скобами.

Находка была более чем странной. Первый купол строился в качестве презентации, доказательства того, что при должных желании и усилиях человек способен освоить и морские глубины. Его конструкция явно не предусматривала проводов, брошенных прямо на полу. Да и сами они на ощупь были мягкими, не похоже, чтобы они пролежали здесь несколько десятков лет. Но кто мог провести их здесь уже после катастрофы? Возможно, члены предыдущих экспедиций, которые, как и Андрей, приходили в купол, чтобы восстановить систему связи с поверхностью? Нет, это абсолютно невозможно! Все члены этих экспедиций торопились как могли, ведь купол залегает сравнительно неглубоко и уровень радиации здесь зашкаливает.

Пока все эти мысли судорожно проносились в голове у Андрея, он нащупал рацию, прикрепленную к поясу, и поднес ее ко рту:

— Кондор, как меня слышно, прием?

— Беркут, слышу прекрасно, ты уже в центре управления?

— Пока нет, нахожусь в основной арке купола, практически добрался до центрального технического люка.

— Тогда в чем проблема? Не теряй попусту время, у тебя его не так много...

— Обнаружил следы недавней человеческой активности. Кто-то проложил по полу свежие провода, вероятно, пытались запитать вторичные системы купола от резервных генераторов. Запрашиваю разрешение на дополнительное расследование.

— О чем ты говоришь? Даже если бы у кого-то и была возможность попасть в купол, никто бы туда не полез. Не выдумывай, наверняка эти провода лежат там еще со времен первых восстановительных миссий. Не вздумай отвлекаться, у тебя есть основное задание, выполняй, пока не превратился в мумию.

— Принято. Конец связи.

Спорить было бесполезно. А времени действительно было не очень много. Андрей медленно двинулся вперед, на сей раз тщательно проверяя дорогу перед собой. Однако центр зала оказался практически пустым, и он без проблем добрался до технического люка. Под приоткрытыми створками начинался узкий лаз, ведущий в центр управления. Большая часть стоявшего здесь оборудования либо не работала, либо была на последнем издыхании.

Исключением являлся главный пункт назначения Андрея — модуль связи. Этот блок был предназначен для пересылки радиосигналов с поверхности в систему связи, соединявшую все обитаемые купола, и обратно. Потеря этого блока означала бы невозможность получить ресурсы извне, что в нынешних условиях означало неминуемую смерть в течение нескольких лет. Поэтому, несмотря на всю опасность подъема к поверхности, сюда периодически посылали инженеров.

Модуль связи выглядел значительно новее, чем все его окружение. Андрей готовился к самому худшему: в шестом куполе ему часто встречались поломки, которые заставляли его жалеть, что в юности он увлекался фундаментальными науками, вместо того чтобы получить инженерные навыки. Однако, к его удивлению, починка не заняла много времени. Замена нескольких вздувшихся конденсаторов, перепайка прохудившихся проводов, и вот уже прибор запестрел всеми огоньками на главной панели.

— Беркут, задача выполнена, каналы связи восстановлены.

— Отлично! Теперь возвращайся назад как можно скорее!

— Принято.

Андрей уже собрал все инструменты, когда его внимание привлек один из стоявших неподалеку трансформаторов. Точнее, привлекла его детская игрушка — плюшевый мишка, заботливо посаженный на самый край металлической коробки. Он уже встречал похожих по пути сюда, но здесь, в техническом отсеке, медведь смотрелся чужеродно. Поддавшись порыву, Андрей взял медведя в руку и слегка сдавил, не особо рассчитывая, что медведь издаст какие-то звуки — батарейка давно должна была сесть. «Пытаясь подняться к свету, ты опустишься лишь глубже во тьму» — хриплым, каркающим голосом произнесла игрушка и разразилась хохотом. Ужас захлестнул Андрея, и, отбросив игрушку, он ринулся в узкий лаз, прочь из технического зала. Лишь оказавшись под основным куполом, он заставил себя остановиться и перевести дыхание. Жутковатый голос все еще звенел у него в ушах, но в голове уже начали появляться сомнения, была ли игрушка реальной. «Может ли радиация влиять на мою голову? Нет, должно быть это темнота и тишина действуют на психику. Не было никакого медведя, здесь только я и больше никого» — успокаивал себя Андрей. Наконец, он вспомнил, что времени у него не очень много и, сориентировавшись по царапинам, оставленным на полу предыдущими инженерами, двинулся обратно к шлюзу.

Согласно инструкциям, он должен был сесть в субмарину и ждать, пока она доставит его в медотсек второго купола. Там ему сделают переливание крови и будут надеяться, что доза, полученная за время пребывания в куполе, окажется не смертельной. Учитывая, что починка заняла значительно меньше времени, чем предполагалось, у Андрея были неплохие шансы на выживание. После этого его наверняка объявили бы героем купола и даже дали пожизненные льготы. Вот только следовать инструкциям он не собирался. Не для того он вызвался добровольцем в эту экспедицию, чтобы возвращаться обратно в пучину океана. Его настоящей целью был подъем на поверхность. В последний раз посмотрев на субмарину, доставившую его в купол, он поднес к губам рацию и произнес: «Кондор, я внутри, можете запускать автопилот» — а после перевернул рацию и вытащил батарейку, чтобы никто не мешался. Большинство узлов в шлюзе были свободны, но было здесь и несколько подлодок, оставшихся здесь со времен погружения. К одной из них Андрей и направился.

Техника здесь была старинной. И если приборы из технического отсека хоть изредка обновляли, в подлодках все стояло нетронутым почти 30 лет. Первые три умерли окончательно, но четвертая оказалась настоящей находкой — движки и практически все

основные системы заработали с первого раза. Конечно, погружаться на этой развалюхе было бы опасно, но целью Андрея было всплытие, а не погружение. В последний раз проверив все системы, он сел в кресло и вдохнул полной грудью. Если все, что ему говорили правда, то там, на поверхности, его будет ждать настоящий ад, в котором он не протянет и 10 минут.

На секунду он задумался о том, чтобы включить рацию, вызвать субмарину обратно и просто жить дальше, не думая о прошлом. Но затем он вспомнил то, о чем больше всего скучал под водой. Солнце. Больше всего на свете он сейчас хотел встретить рассвет. Ощутить теплые солнечные лучи на своем лице. Резко выдохнув, Андрей потянулся к рычагам управления. В следующий миг в его глазах вспыхнули разноцветные узоры от сильного удара, пришедшегося по голове. Краем глаза он успел заметить фигуру, выросшую сзади. Но, прежде чем он успел удивиться появлению второго человека в стенах Первого купола, следующий удар отправил его в темноту.

Глава 2: Мрачные грёзы

Последние полгода Андрея мучили кошмары. Большая часть из них начиналась одинаково: с воспоминаний. О солнечном свете, о пении птиц, о людях, с которыми он общался или хотел общаться. О мире, в котором он родился и вырос. А затем, в одно мгновение, все это сгорало дотла. Но самым жутким было даже не это, а то, что он неизменно оставался немым наблюдателем, обозревающим опустошенную землю.

Андрей слышал много историй про то, как это произошло. Во времена его юности космические полеты к другим планетам были не более чем баловством, редкими экспедициями, половина которых не возвращалась, а вторая половина привозила разве что скромные образцы грунта. Но затем, с развитием информационных технологий, ситуация резко поменялась. Послать человека на другие планеты все ещё было практически невозможно: уровень радиационного фона в космосе зашкаливал. Однако это оказалось и не нужным. Техника сама добывала ресурсы на других планетах и отправляла их на Землю. Все по-разному вспоминали период, наступивший за первыми колоннами космических кораблей с ресурсами, достигнувших земли. Наверное, правильнее всего было бы назвать его золотым веком. Строительные и энергетические ресурсы, редкие металлы — всего этого вскоре стало в избытке. А после того, как человечество додумалось выбрасывать не перерабатываемые отходы в сторону солнца, и экологические проблемы несколько отошли на второй план. Человечество вступило в новую эру и пробовало все более и более амбициозные проекты, которые могли бы заранее решить надвигающуюся проблему перенаселения. Многоэтажные города, озеленение пустынь и даже создание подводных куполов, открывавшее освоение человеком подводных глубин.

Но успех был недолгим. Первое время никто не обращал внимания на постепенно возрастающий радиационный фон. Это списывали на остаточную активность материалов, в избытке поступавших из космоса. Лишь через несколько лет учёные забили тревогу. Объяснить Андрею толком, что же произошло, никто так и не смог. Вероятно потому, что никто не знал причин. По крайней мере среди тех, кто выжил. Но в целом все примерно сводилось к тому, что вокруг Земли раньше существовало некоторое не замеченное раньше поле, которое задерживало большую часть частиц, бомбардировавших космическое пространство. А когда колонны космических аппаратов стали пронизывать это поле туда и обратно, оно каким-то образом оказалось нарушено. Сначала изменения были едва заметными, но чем больше радиации проникало внутрь, тем быстрее разрушалась защитная оболочка.

Когда стало понятно, что произошедшие изменения уже необратимы, человечество бросило все усилия на разработку средств спасения. Сначала люди решили накрыть города защитными куполами, но эту идею быстро отбросили. В условиях внешнего фона такие купола быстро бы деградировали, а возможности чинить их у сидевших внутри не было бы. Поэтому следующие несколько лет человечество посвятило строительству многослойных подземных бункеров, способных вместить в себя большую часть населения земли. Проблемы вскрылись тогда, когда казалось, что решение уже готово. Частицы, бомбардировавшие атмосферу, постепенно поднимали температуру на поверхности. Изменения климата стали проявляться не только в ураганах и цунами, обрушивавшихся на побережья, но в подвижках земной коры. Бункеры оказались недостаточно устойчивыми к таким нагрузкам и многие из

них были смяты или, наоборот, разорваны на части и открыты атмосфере. А времени оставалось все меньше...

Тогда люди и вспомнили про попытки освоить пучины океана. Вода, как известно, является одним из лучших средств защиты от радиации. А мировой океан слишком огромен, чтобы происходившее на поверхности могло вывести его из равновесия. Впрочем, времени на полномасштабную эвакуацию уже не оставалось. К моменту, когда последний, восьмой купол был достроен, на поверхности царил ад. Те, кому не хватило места в куполах, пытались спастись в подземных бункерах, но их дальнейшая судьба была неизвестной.

Все это Андрей знал только по рассказам, потому что сам он этого не застал. Он был обычным парнем, родившимся в конце двадцатого века, учился, хотел получить высшее образование, найти работу, которая была бы ему интересна, и просто... жить и наслаждаться жизнью. Но вместо этого, однажды он просто закрыл глаза, стоя под солнечными лучами на улице в двух сотнях метров над уровнем моря, а открыл их, сидя под тусклой лампочкой обычного освещения шестого купола, в километре под морской поверхностью. Первое время он пытался понять, что же произошло и где он оказался. А когда узнал, что в мгновение ока переместился на 45 лет вперед, попытался найти хоть кого-то из своих родственников и знакомых. Но то ли им не повезло, то ли 45 лет оказались слишком большим сроком для жизни в куполах... Постепенно, Андрей перестал искать и сконцентрировался на работе. Потребности в учёных в новом мире не было. Большинство населявших купола занимались работой на фермах, снабжая себя и других едой. Однако, технические навыки все-таки оказались востребованы, и, хотя инженером Андрей не был, его познания в области электричества все равно дали ему фору по сравнению с молодым населением куполов в работе ремонтника.

А каждый свой ночной цикл (ведь ночи под водой не было) он видел все, чего лишился. Видел — и снова терял, не имея возможности хоть что-нибудь с этим сделать. Но к счастью — любой сон рано или поздно заканчивается. И когда кошмар отступил, Андрей проснулся.

Все тело ныло, а голова раскалывалась. Что в общем было неплохо, учитывая обстоятельства. Андрей приоткрыл глаза, но в первое время не смог ничего разглядеть. Комната была погружена в полумрак. Он лежал на чем-то вроде больничной койки, зафиксированный ремнями, так что шевелить можно было разве что пальцами да немного головой.

Сфокусировавшись, Андрей смог разглядеть темные трубки, которые поднимались от его левой руки к стоявшей рядом капельнице. «Похоже мне сделали переливание крови. Неужели я снова в 6 куполе? Но кому могло потребоваться приковывать меня к постели?» — вопросы роились в голове, но оставались без ответов. В конце концов, Андрей решил расслабиться и отдохнуть. Если бы хотели навредить, не стали бы заботиться о его здоровье.

Сложно сказать, сколько он пролежал в темноте. Иногда Андрей проваливался в дрему, но кошмары ему больше не снились. Наконец, вдалеке послышались шаги, а затем в комнате загорелся яркий свет. Большая часть помещений куполов освещалась едва-едва в целях экономии электроэнергии, поэтому Андрею потребовалось больше минуты, чтобы приспособиться. Над ним нависали две темные человеческие фигуры.

— Как тебя зовут и что ты делал в первом куполе? — резко произнесла одна из них.

— Раз уж мы на ты, предпочел бы сначала услышать ответы на эти же вопросы от тебя, — в тон ответил Андрей.

— Ты не в том положении чтобы задавать вопросы.

Фигура наклонилась и превратилась в гладко выбритого молодого человека с хищными чертами лица и пронзительными карими глазами, лет 25, не старше. В этом времени Андрей всегда ощущал некоторую неловкость в общении со сверстниками, предпочитая им собеседников постарше. Вероятно, дело было в том, что все обитатели куполов младше 30 лет всю свою жизнь провели здесь, в глубине, и никогда не видели мира на поверхности. Это создавало невидимый барьер, который практически никогда не удавалось преодолеть.

— Тогда может просветишь меня, в каком я положении? — усмехнулся Андрей.

— Ах ты... — Юноша замахнулся, но вторая фигура положила руку ему на плечо и слегка покачала головой.

Андрей с удивлением наблюдал, как исчезает гримаса ярости и на ее место приходит абсолютное спокойствие. Разглядеть лицо второго человека он пока не мог из-за длинного капюшона, накинутого на голову. Наконец, юноша сделал глубокий вдох и снова заговорил:

— Прости, с моей стороны было невежливо так начинать разговор. Меня зовут Артур, а в первом куполе тебя нашли мои братья. Я готов ответить на твои вопросы при условии, что ты будешь отвечать на мои, ответ за ответ.

— Это меня устраивает, — после минутного размышления решил Андрей, — что это за место?

— Мы находимся в седьмом куполе.

— Что? Но это невозможно, он не был достроен!

— Это был вопрос или утверждение? В любом случае, сейчас моя очередь. Что ты делал в первом куполе?

— Восстанавливал модуль связи с поверхностью по заданию совета инженеров шестого купола. Ты упомянул своих братьев, кто они?

— Все обитатели седьмого купола братья и сестры. Мы — братство бездны.

Мысли Андрея стали путаться, возможно сказывалось переливание крови, возможно — слишком яркий свет. Он лихорадочно вспоминал все что когда-либо слышал про седьмой купол. Кажется, он должен был стать центральным среди куполов, однако при проектировании были допущены ошибки и в итоге от строительства пришлось отказаться в пользу финального восьмого. Видимо, основы все-таки были заложены, и теперь в них обосновались какие-то фанатики. На самом деле его мало волновало кто они. Если у них есть средство для передвижения между куполами, то с его помощью наверняка можно попасть и на поверхность, главное не раздражать их и не упустить возможность сбежать.

— Когда ты починил модуль связи, почему не покинул купол на субмарине? Зачем пошел к подлодкам?

— Я...

Желание соврать и избежать дальнейших расспросов было велико. Но, во-первых, Андрей не очень хорошо врал, а во-вторых, они наверняка нашли его выключенную рацию и объяснить это сходу он бы не смог. Быть пойманным на лжи в данной ситуации было бы не лучшим исходом, и Андрей решился сказать правду:

— Хотел подняться на поверхность.

— Но зачем?

Надо сказать, что сейчас не его очередь. Спросить что-то важное. Но голова немного кружится и вместо этого звучат совершенно другие слова:

— Ты когда-нибудь видел восход солнца, Артур? Знаешь, в детстве отец часто хотел показать мне восход солнца. Когда диск только-только поднимается над горизонтом, он

ярко-алый, и только потом желтеет...

— Да он не в себе!

Кажется, те двое еще были рядом, но Андрей уже их не слышал. Вместо этого он снова видел восход солнца, как диск медленно поднимается над горизонтом, разгорается, а затем — сжигает все вокруг. Голоса отступили, и он снова погрузился во тьму.

Глава 3: Старейшина

Ремни исчезли, как и чрезмерно яркий свет. Если не считать затекших рук, Андрей чувствовал себя прекрасно, отдых явно пошел ему на пользу. В углу что-то пошевелилось. Этим “чем-то” оказался сухой, высокий мужчина в черном костюме. Он выглядел достаточно молодо, а среди волос, собранных в длинный темный хвост, не было ни одного седого. И все же от него веяло старостью, а в его глазах словно застыло отражение пламени.

— *Похоже, ты чувствуешь себя лучше?*

— *Намного, спасибо, что поинтересовались. С кем имею честь?*

Что-то было не так в словах, которые говорил этот человек, но что именно, Андрей пока не мог сообразить.

— *Я давно отказался от своего имени, так что можешь обращаться ко мне так, как тебе захочется. Здесь, в братстве, меня часто называют старейшиной. И прошу, давай перейдем на ты, так нам обоим будет намного комфортнее.*

— *То есть вы... Ты — глава этого места?*

— *Глава? Нет, что ты, у братства нет главы, мы все здесь равны. Я скорее идейный основатель.*

В этот миг Андрея осенило. Язык. Все обитатели куполов говорили на модифицированном английском языке, с примесями нескольких других европейских языков. Но старейшина заговорил с ним на чистом русском языке.

— *Ты Русский, верно? Как ты понял, что я тебя пойму?*

— *Свояк свояка... На самом деле, уверенности не было, но я решил попробовать и не прогадал. Впрочем, думаю тебя сейчас больше интересуют другие вопросы.*

— *Да, по поводу братства...*

— *Не нужно притворяться. Полагаю, больше всего тебя волнует, можешь ли ты взять нашу субмарину и закончить то, что начал. Артур сказал что ты "гредишь восходом солнца".*

— *Я...*

— *Да.*

— *Прошу прощения?*

— *Да, у тебя есть возможность закончить начатое. Но сначала я хочу показать тебе кое-что. А потом ты решишь, так ли ты на самом деле хочешь увидеть последний в твоей жизни восход солнца, или для тебя есть дела поинтересней. Договорились?*

— *Идёт.*

Можно ли было ему доверять? Уверенности в этом у Андрея не было. Однако он всем своим видом внушал доверие и уважение, да и выбор, откровенно говоря, был невелик. На секунду Андрей засомневался в собственном желании подняться на поверхность. Теперь, когда вслух было произнесено, что этот рассвет станет последним в его жизни, мысль уже не казалась такой привлекательной.

Однако он напомнил себе, почему решился на это. Почему был первым добровольцем за последние двенадцать лет, кто вызвался отправиться в первый купол. Он не был самоубийцей и хотел жить. Только существование в тесном, тусклом куполе от начала смены до отбоя не было жизнью. И проблема была даже не в том, что люди утратили способность радоваться жизни. А в том, что здесь, в километре под уровнем моря, у человечества не было

будущего. Никто больше не изобретал и не пытался понять окружающий мир. Все просто существовали и не строили планов на будущее.

Ты идёшь? — этот вопрос вывел Андрея из раздумий. Выяснилось, что затекли не только руки, но и ноги, что едва не привело первую попытку встать к падению. Тем не менее, собравшись с силами, ему удалось встать, и он последовал за старейшиной.

Все купола, кроме собственно первого, куполами на самом деле не были. Для устойчивости на большой глубине их делали в форме шаров, зависших на некоторой высоте над морским дном. Так стенки сооружения не соприкасались с фонащим грязевым потоком, когда-то стекавшим с поверхности. А чтобы не терять пространства, внутренности заполняли многочисленными переборками от технической этажей снизу до самых верхних, которые обычно отводили под фермы. Поспешная стройка привела к тому, что практически все они изнутри были похожи друг на друга как две капли воды.

Будучи инженером-ремонтником, Андрей постоянно спускался на технические этажи шестого купола. Поэтому ему не составило особого труда сориентироваться в темных коридорах.

— *Третий этаж, система очистки воздуха. Сколько ещё этажей было построено?*

— *Ещё около десятка. Но доступ есть только к нижним пяти, все остальные затоплены водой, либо сильно деформированы. Ошибка в проектировании была выявлена уже тогда, когда внешняя обшивка была закончена и началось строительство внутренних частей купола. Оболочку купола вскоре прорвало, при этом верхние этажи смяло, но они стали новой защитой от внешнего давления.*

— *Но почему тогда никто не заселил эти этажи? Ведь все считают, что седьмой купол безвозвратно погиб! Или почему отсюда не эвакуировали технику? Запасные генераторы и системы фильтрации неплохо бы пригодились в других куполах, нам часто приходится чинить приборы буквально на коленке, сподручными материалами.*

— *В тот момент всех больше волновала скорость постройки. И быстрые подсчёты показали, что проще построить восьмой купол, чем пытаться восстановить седьмой. А в ресурсах мы тогда потребности не испытывали. Что же касается заселенности... Ну, как видишь, он не пустует.*

За углом оказался зал с большим количеством людей. За последние полгода Андрей совершенно отвык от открытого пространства. Конечно, первый купол по сути своей состоял из одного большого зала, но там было очень темно, и он все равно не видел дальше, чем на метр вперёд себя. Здесь же ситуация была совсем другой: зал, полученный удалением нескольких стен и одного этажа, был более 20 метров в длину и ширину. Освещение тоже было сравнительно ярким и вскоре Андрей понял, почему. Все, кто находились в зале, тренировались. Кто-то медитировал в позе лотоса ближе к стенам, кто-то отрабатывал удары на манекенах, а в центре было отведено место для поединков один на один.

— *Впечатляет, да?*

— *Не буду врать, простора мне очень не хватало в моей жизни в куполе.*

— *Хочешь присоединиться?*

— *Нет, не думаю. Не люблю драться.*

— *Почему?*

— *В смысле, почему? Просто не люблю и все.*

— *Если не хочешь говорить, не надо. Но если у тебя и правда нет ответа на этот вопрос, возможно это повод задуматься.*

— Хорошо. Я боюсь боли. Такой ответ тебя устроит?

— Едва ли. Ты сам-то в это веришь, человек, который готов подняться на поверхность, зная, что сгорит заживо?

— Это другое...

— Да неужели? Тогда скажи мне, только честно, как ты пришел к этому решению? Скажи, что не накручивал себя в течение нескольких месяцев, что не создавал себе локальный ад и чувство безысходности из собственных страхов. Молчишь? Тогда не говори, что боишься боли. Ты сам ее себе создаешь.

— Если ты такой умный, то может просветишь меня, чего я на самом деле боюсь?

— В поединке ты становишься самим собой, не больше и не меньше. Думаю, ты к этому не готов. Не хочешь увидеть настоящего себя и обнаружить, что он — абсолютно не тот, кем ты привык себя считать.

Андрею ужасно захотелось ударить старика. Или хотя бы накричать на него и как-то доказать, что он неправ. Но, с другой стороны, если старейшина был неправ, то почему его слова были такими обидными? А между тем они двинулись дальше по коридору. По сторонам гудели машины, но периодически попадались и складские комнаты, заваленные продуктами. Собравшись с силами, Андрей возобновил разговор:

— Откуда вы берете еду, если верхние уровни уничтожены? Не верю, что у вас получилось втиснуть и фермы, и жилые помещения в технические этажи.

— Еду мы получаем в других куполах, обычно в пятом, там самые богатые урожаи.

— Получаете? Но что вы даете взамен? Не похоже, чтобы вы что-то производили. И как при этом получается, что о вас никто не знает?

— Этот мир не больно-то отличается от того, что был на поверхности, Андрей. Информацию не очень трудно скрыть. А что касается производства, то да, ты прав. Мы не занимаемся обычным трудом, как граждане других куполов. На нас возложена куда более сложная миссия — мы защищаем человечество.

Последняя фраза прозвучала так пафосно, что Андрей не удержался и громко рассмеялся. Смех эхом отразился от стен и ещё долго отзвуками доносился до слуха. А затем повисла неловкая тишина.

— Прости, это была не шутка, да? От кого же вы защищаете человечество здесь, в куполах?

— Как и всегда, самым страшным врагом человечества остается оно само.

Коридор закончился, и они оказались перед входом в один из шлюзов. Сквозь маленькое окошко в двери было видно приличных размеров подлодку.

— Не самое быстроходное наше судно, но так как возвращать его ты не планируешь, мы решили, что дадим тебе именно его.

— Вероятно, я пожалею об этом вопросе, но я не могу его не задать. Зачем? Зачем ты помогаешь мне, зачем отвечаешь на все вопросы и даже делишься подводной лодкой? Ты ведь меня не знаешь, а если мой план пойдет как ожидается, больше никогда и не встретишь?

— Видишь ли, я когда-то был очень похож на тебя, и, как и ты стремился наверх, к свету.

— А сейчас?

— А сейчас я понял, что наше будущее лежит там, внизу, в темноте.

Странный звук, похожий на множество колокольчиков, заполнил собой все

пространство. В коридорах тут же началось шевеление.

— *Последнее, что я хотел бы тебе показать перед твоим отправлением — это наша столовая, прошу тебя, следуй за мной.*

По коридору стали проходить люди, спешившие мимо. Внимание Андрея привлек ребенок лет семи, вприпрыжку обгонявший человеческий поток. Точнее, детская игрушка, зажатая у ребенка в руке. Большой, пыльный и до ужаса знакомый плюшевый медведь. Лишь когда его фигура скрылась за поворотом, Андрей смог вдохнуть и выдавить из себя: “Вы и его из купола забрали”. Но неожиданно обнаружил, что разговаривает сам с собой — старейшина уже нырнул в человеческий поток. Ему ничего не оставалось, кроме как последовать за ним в темноту коридора.

Глава 4: Воспоминания

Столовая была похожа на тренировочный зал, только через все ее пространство тянулись длинные металлические скамьи. Судя по их внешнему виду, сделаны они были из смятых внутренних переборок. Ребенок с медведем давно скрылись из виду, а искать их желания у Андрея не было. Старейшина уже сидел с двумя другими людьми, на некотором расстоянии ото всех остальных. Подносов с едой на столе перед ними стояло четыре, поэтому Андрей сразу подсел к ним.

— Я так полагаю, с Артуром и Миной ты уже знаком?

— С Артуром да. Мина? Приятно познакомиться!

Она не ответила. Темный капюшон все также скрывал ее лицо, лишь глаза поблескивали под ним. Молчание нарушил Артур: "обещаешь не издавать звуков?". Андрей неуверенно кивнул, а затем Мина медленно сняла с себя капюшон. От неожиданности он всё-таки вздрогнул. Все её лицо было покрыто следами сильных ожогов, наискось перечеркнутых двумя белыми шрамами, тянувшимися ото лба до самого подбородка.

— Ты, кажется, спрашивал, от каких угроз мы защищаем человечество? Слышал что-нибудь про пожар в третьем куполе?

— Только слухи. Там были какие-то забастовки, они закончились пожаром на технических этажах.

— В общих чертах ты прав, но думаю, стоит тебе услышать некоторые детали происшедшего от очевидцев.

С этими словами старейшина кивнул Артуру. Но тот не спешил начинать рассказ, видно было, что ему неприятно об этом вспоминать. "Моя семья тогда работала на технических этажах. Родители, я, сестра" — с этими словами он мотнул головой в сторону Мины. "Мне было четырнадцать лет, ей — двенадцать. Не могу сказать, что было легко, но мы справлялись. Проблемы начались с того, что главный инженер, Мордо, выдвинулся в совет купола. Мы изо всех сил поддерживали его кандидатуру, все-таки это был один из нас, и мы были уверены, что он поддержит нас в трудную минуту. Плюс к тому, у него горели глаза, а в своих предвыборных речах он продвигал идеи рационализации расхода ресурсов."

Артур прервался и надолго приник к кружке с водой. Пил он жадно, роняя капли воды себе на грудь, будто боялся, что кто-то попытается отобрать ее у него. Когда он наконец оторвался, взгляд его был направлен словно сквозь сидевшего напротив Андрея, а в глазах горел недобрый огонёк. "Выборы прошли успешно, впервые за долгое время кто-то из нижних этажей попал в совет, ведь обычно эти места были оккупированы работниками жилых секторов и ферм. А спустя пару месяцев, Модро завоевал доверие совета и началась «рационализация».

Первые изменения коснулись личной электроники обитателей купола. Все приборы, находившиеся в личном пользовании обывателей, но не имевшие для них жизненно важной ценности, были собраны и доставлены на технические этажи. Большинство было не в восторге, но инженеры ликовали: многие запчасти помогли отремонтировать давно не работавшие системы, в том числе дополнительную очистку воздуха. Затем ..."

Слова Артура доносились до Андрея, но он их уже не воспринимал: на него накатили воспоминания о дне, когда он в мгновение ока переместился на десятилетия вперед. С детства его мучала клаустрофобия — боязнь замкнутых пространств. И хотя впоследствии он

смог ее контролировать настолько, что без проблем заходил в лифт, долгое пребывание в тесных помещениях всегда действовало ему на нервы. А что могло быть теснее, чем узкие, темные коридоры шестого купола?

Несколько часов он бродил тогда по пустынным коридорам, пытаясь найти хоть кого-то, кто смог бы объяснить ему, что происходит. Но навстречу никто не входил, словно никто и не бывал в этих местах со времён их постройки. Наконец, раздался продолжительный треск сирены и вдалеке послышался гул. Андрей рванулся к нему, и, спустя несколько поворотов, натолкнулся на поток людей. Среди них были представители разных национальностей, дети и взрослые, мужчины и женщины. Но всех их объединяла какая-то единая безучастность к происходящему. Даже дети не бежали, а мерно шли в ногу с окружающими их людьми.

Попытки заговорить ничего не дали: люди поспешно отводили взгляд и устремлялись дальше. И хотя весь этот поток производил жуткое впечатление, Андрей решил, что лучше последовать за этими людьми, чем снова остаться в одиночестве. Поэтому он подождал хвоста процессии и без проблем примкнул к ней.

Далеко идти не пришлось: спустя пару минут справа потянулась вереница лифтов, если это можно было так назвать. Ни крыши, ни стен у этой конструкции не было, только платформа, закреплённая на рельсах и приводившаяся в движение четырьмя тросами. Ограждения на подходе к шахте лифтов тоже никакого не было, и там, где они уже ушли наверх, можно было заглянуть вниз и попытаться рассмотреть что-нибудь в темноте. Андрею даже на секунду захотелось бросить туда что-нибудь, но под рукой не оказалось ни одного подходящего предмета: при перемещении его сумка с вещами пропала, на нем была лишь футболка, джинсы, да летние кроссовки.

Вновь проследовав за остальными, Андрей поднялся на несколько этажей вверх. Коридоры здесь были попросторнее, чем внизу, хотя в воздухе висел какой-то затхлый запах. Люди выстраивались в очередь перед металлической дверью с окошком. Практически все заготовили в руках маленькие черные пластины, которые в окошке обменивались на поднос с едой. Порция у всех была одинаковой, но разглядеть содержимое подноса Андрей не мог. Зато запах усилился, и он с отвращением понял, что шел он от еды. Однако больше идти ему было некуда: выходить из очереди было бы странно, да и живот, несмотря на запах, стал недвусмысленно намекать на то, что последний прием пищи был более шести часов назад.

В окошке стояла молодая девушка. Ее движения были отточенными, видно было, что она не первый день стоит на выдаче еды. Когда очередь дошла до Андрея, ему казалось, что сердце колотится у него прямо в горле. Вся ситуация была абсурдной и даже немного смешной, но в то же время было в этой молчаливой процедуре что-то пугающее. Он подошел к окошку и замер, почти не мигая уставившись на девушку. Несколько секунд она молчаливо ожидала с протянутой вперёд рукой, а затем подняла на него свои карие глаза. "Талон?" — ее голос был достаточно мягким, но после царившей в коридоре тишины показался Андрею раскатом грома. Он неловко развёл руками, показывая, что такого у него нет. Ее брови резко сошлись над переносицей. Она оглянулась через плечо, словно пытаясь что-то там разглядеть, а когда повернулась назад, Андрей с удивлением понял, что ее лицо выражало жалость: "Бригадир забыл выдать талон, да? Но ты же понимаешь, я не могу выдать тебе порцию просто так... Вот что: поднимись на этом лифте на два этажа выше, там пункт выдачи еды для неработающих, порция конечно меньше, но это лучше, чем голодать." Андрей молча кивнул, ему было неловко от того, с какой заботой эта девушка к нему

отнеслась. Да еще и похоже приняла его за одного из рабочих. Но стоило ему сделать шаг в сторону, как на его плечо опустилась увесистая рука. "Глория, дай этому парню порцию" — произнес лысый коренастый мужчина лет тридцати пяти: "У меня как раз остался лишний талон." С этими словами он протянул девушке две черные карточки и, не убирая вторую руку с плеча Андрея, повернулся к нему.

— Меня Сайлас звать, а тебя?

— Андрей. Возможно, не стоит...

— Не парься, в моей бригаде один парень заболел, ему талон не понадобится. А я в себя при всем желании две порции не запихну.

— Спасибо...

— Не благодари. Это из какой же ты бригады, что тебе талон не дали? Не говори, дай я сам угадаю. Наверняка ты из лифтеров, они вечно про своих забывают, так как на разных этажах сидят.

— Я...

— А знаешь что? Бросай этих неудачников и переходи ко мне. Я руковожу бригадой электриков, проводку латаем тут и там. Как тебе? Паяльником пользоваться умеешь?

— Доводилось пару раз...

— Вот и отлично. А не умеешь, так научим! Все заматано, бери свой поднос, ешь быстрее и идём со мной, покажу тебе твоё рабочее место.

Так Андрей стал работать в бригаде Сайласа. В других обстоятельствах он вряд ли смог бы общаться с таким человеком, но в его позиции начальник, сам отвечающий на свои вопросы оказался буквально золотой жилой. Конечно, первое время ему было неловко, но вскоре он узнал, что все рабочие спят в местных условных бараках, где оказалось полным-полно свободных коек, и влился в эту странную, шептунную жизнь инженеров купола. Он с удивлением осознал, что в этом мире никому не нужны были его документы, а при желании он и вовсе мог оставить работу и целыми днями слоняться по куполу — пайки для безработных были значительно меньше, но с голоду умереть не давали. Еда была отвратительной на вкус и при этом абсолютно не могла храниться — уже на следующий день она прокисала и её оставалось только выкинуть, поэтому попытки запастись едой Андрей быстро оставил. Немного обвыкнувшись, он стал вместо работы посещать учебные курсы для детей, в надежде понять, где же он оказался. Так он и узнал про то, что на дворе уже середина 21 века, что он находится в пучине океана, а мир на поверхности давно сгорел в радиоактивном огне.

Он быстро понял, что большинство жителей купола страдали фигнёй. За исключением работников ферм и стражей порядка, отбор в которые происходил в детстве по неизвестным критериям, да управляющего совета, куда раз в пять лет избиралось восемь представителей, основная масса населения была вольна делать что захочет. Многие не делали ничего вовсе, получая свою бесплатную порцию еды каждый день. Большая часть систем купола работали автоматически, оставляя людям лишь социальные регулировки идущих процессов, вроде выдачи пищи в окошке или запуска процедур в аппарате по получению медицинского обслуживания. Единственной стоящей из оставшихся работ было техническое обслуживание купола, которое во многом стопорилось отсутствием новых деталей и знаний у тех немногих, кто так решал поработать ради увеличенной порции еды.

Ни денег, ни документов, ни гаджетов. Иногда Андрею казалось, что он оказался не в будущем, а в каком-то первобытном сообществе. В этом мире даже оружия практически не

было, во времена катастрофы огнестрел был строго-настрога запрещен, ведь любой выстрел непременно задел бы конструкцию купола и мог обречь всех его обитателей. Впрочем, потребности в оружии у обитателей куполов не было: еда была бесплатной, смысла в её накоплении не было, а других ценностей здесь и не существовало. Лишь стражи порядка носили с собой пистолеты, шокеры да дубинки на случай устранения конфликтов: другой преступности в куполах в принципе не существовало.

Но не было в этом мире и развития. Люди не создавали ничего нового, лишь использовали и по мере своих сил чинили старые технологии. Никто не мечтал о новых горизонтах, большинство даже не удосуживалось прослушать все учебные материалы, хранившиеся в библиотеке, а их количество было весьма скудным. Такая обстановка выматывала Андрея, лишала мотивации жить дальше. Первое время он пытался заполнить эту пустоту работой, но и это вскоре перестало помогать. Поэтому он и ухватился за самоубийственную миссию, когда она ему подвернулась.

"И напоследок, Модро сократил порции еды, выдававшиеся за работу. Даже рабочие стали голодать, а что уж говорить про остальных жителей..." — голос Артура, внезапно прорвавшийся сквозь завесу воспоминаний, резко вернул Андрея к действительности. Он вздрогнул и сделал вид, что внимательно слушает, как и все время до этого. Краем глаза Андрей заметил лёгкую усмешку на лице Мины и понял, что его погружения в себя не прошло незамеченным, но Артур был слишком поглощен рассказом, чтобы обратить на это внимание. Он продолжал свой рассказ, и лицо его становилось все более мрачным.

Глава 5: Дым и пламя

“Тяжелее всего пришлось семьям с маленькими детьми, которые еще не могли работать. У нас было несколько таких знакомых, мы старались помогать им, но и самим есть хотелось. Конечно, мы пытались решить вопрос мирным путем, наши представители днями осаждали приемную комнату совета. Однако все, что нам отвечали, было: идет рационализация расхода ресурсов. Как только этот процесс будет завершен, объем еды в норме будет восстановлен до старого и значения, и даже увеличен, но... Прошло несколько месяцев, а становилось только хуже. Постепенно люди перестали ходить поодиночке: то тут, то там начались нападения, в лучшем случае они заканчивались лишением талона на еду, в худшем случае... среди рабочих поползли слухи о появлении каннибализма среди жителей верхних уровней.

В конце концов мы не выдержали. В тот день в приемную совета пришел не один человек, нас были десятки, даже сотни. Мы выстроились в длинную очередь, перекрыли собой все проходы к приемной и стали требовать, чтобы нас услышали. Надо ли говорить, что закончилось это вмешательством стражей порядка? Я мало что видел в той толкотне, но прекрасно помню звуки электрических разрядов, крики, да запах чего-то паленого. Не представляю, как родителям удалось вывести нас оттуда.

Той ночью половина нашей бригады не явилась в бараки. Мы так и не узнали, что с ними случилось. А те, кто пришел, сели в круг и что-то шепотом обсуждали. Видимо, надеялись, что мы заснем, но я не мог заснуть: в моих ушах продолжали отдаваться человеческие крики. Я хотел присоединиться к ним, но вместо этого прижимал к себе сестру: она тряслась от страха. Нельзя было оставлять ее одну. Под утро родители разбудили нас. Они оставили нам несколько порций еды и сказали не пугаться, чтобы ни происходило. Пообещали, что вернутся через день и наказали не открывать двери никому кроме рабочих нашей бригады. Я пытался возражать, но они заставили меня пообещать, что я позабочусь о сестре.

Примерно через час после их ухода, в комнате выключился свет. Я прислонил ухо к стене и прислушался — казалось, что весь купол зазвенел криками удивления и ужаса. Это была не просто проблема с освещением, это был перебой во всем энергоснабжении. Тогда мне не пришло в голову связать проблемы с электричеством с уходом своих родителей. Не знаю, сколько времени мы просидели в темноте. Думаю, прошло не меньше пяти часов. Мы бы так и продолжали там сидеть, если бы не стало тяжело дышать.

Тогда-то до меня и стало доходить что перебой электричества наверняка затронул и вентиляцию. Конечно, системы очистки воздуха продолжали работать, их питание было обособленным и обладало множественными резервными системами, но без насосов, откачивающих очищенный воздух наверх, вершина купола вскоре пострадает от нехватки кислорода. В этот момент до меня дошло, что происходит. На верхних этажах располагались фермы, достаточно на сутки оставить их без кислорода и питания гидропоники, чтобы все растения там погибли.”

— Откуда ты это знаешь? Я больше месяца пытался найти в архивах шестого купола хоть какие-то сведения об устройстве ферм, но все данные засекречены для любого, кроме членов совета, да непосредственно работников верхних этажей... Неужели, у вас в куполе это было не так?

— Ты прав. Но моя мама в детстве была отобрана для работы на ферме. Ушла оттуда к отцу, уже когда ей исполнился двадцать один год.

— Не знал, что оттуда можно уйти.

— Ну, это не поощряется, но останавливать ее никто не стал. Хотя доступа на верхние этажи она, разумеется, была лишена.

— И что, она рассказывала вам об устройстве ферм?

— Не слишком много, у неё не было такой цели. Но иногда, в детстве, когда мы задавали вопросы о том откуда берётся еда, она рассказывала о том, что там происходит. Ты закончил задавать вопросы? Я так и не рассказал про пожар.

Андрей, конечно, не закончил, но язык прикусил — задевать Артура ему не хотелось. А тот лишь коротко сверкнул глазами и продолжил свой монолог: "Я обещал, что мы не будем выходить из комнаты. Но я обещал также и то, что позабочусь о сестре. А оставаться в бараках явно не было безопасным: уже начинала потихоньку кружиться голова. Так что мы собрались и двинулись к лестницам, соединявшим жилые отсеки с техническими этажами. В коридорах дышать стало легче, но я решил продолжать двигаться вниз, ближе к системам очистки воздуха, ведь кто знал, сколько будет продолжаться этот перебой в энергии. Однако оказалось, что я не один был таким умным: лестницы оказались забиты вереницами людей, медленно волочившихся вниз. Пытаться продраться сквозь эти толпы было бы безумием.

Тогда-то Мина и предложила воспользоваться системой старых туннелей. Мы часто лазали по ним в детстве, пока родители не застучали нас за этим занятием. Местами они слишком узки, чтобы взрослые могли там проползти, но мы обычно без проблем протискивались сквозь эти участки. Думаю, изначально они задумывались как системы доставки материалов, потому что имеются они лишь в нижней половине купола. В тот момент меня уже стали терзать сомнения, но я отбросил их и поддался уговорам сестры."

Артура снова приник к кружке с водой. Его слегка потряхивало. Что он испытывал в этот момент? Боль? Чувство вины? Чтобы это ни было, стоило Мине положить руку ему на плечо, как дрожь моментально исчезла. Андрей в очередной раз поразился связи, имевшейся между ними, до этого он не наблюдал такого даже у близнецов. "И вот мы уже карабкаемся по старым туннелям, в надежде найти спуск на более нижние уровни" — заговорил Артур — "пыль, холод от металла, обжигающий кожу, и непроглядная темнота. По крайней мере, так было первые несколько минут. Затем глаза адаптировались и привыкли к свету, просачивающемуся сквозь узкие щели боковых решеток, соединявших туннель с основными коридорами. Обычно они попадались через каждые пять метров, но случались и более длинные переходы, которые приходилось преодолевать на ощупь.

Единой шахты, ведущей вниз в старых тоннелях не было. Наверное, это и к лучшему, иначе мы могли бы пострадать в детстве, но в тот момент это сильно нас огорчило, ведь каждый переход на уровень ниже приходилось подолгу искать. Помимо этого, обнаружилось, что мы уже стали значительно крупнее с момента, когда в последний раз ползали здесь, и теперь мы могли протиснуться далеко не везде, порой приходилось ползти в обход кратчайшего пути. Я уже стал задумываться, не было ли бы быстрее просто воспользоваться лестницей, как и остальные жители, когда впереди слышались какие-то голоса. Спустившись еще на уровень ниже, мы приникли к решетке, и стали слушать, параллельно пытаясь хоть что-то рассмотреть. Глаза, уже привыкшие к темноте, теперь слезились от избытка света.

Решетка выходила в коридор между двух заслонов. Слева от нас громоздилась

настоящая баррикада, сделанная из предметов мебели, вырванных дверей и прочих металлических изделий, кем-то сплавленных горелкой в одну громоздкую кучу, напрочь перекрывавшую проход по коридору. Прямо перед нами, упершись в эту импровизированную баррикаду стояло около двух десятков стражей порядка. Несмотря на то, что стояли они прямо перед нами, разобрать их слова было практически невозможно: их перекрывал рев толпы, собравшейся справа от нас, и отделенных от стражей порядка стандартными пластиковыми щитами и растяжками. Толпа бушевала, но без какой-либо организации, кто-то требовал, чтобы их пропустили, кто-то называл стражей порядка кровопийцами, а кто-то все спрашивал, что произошло с воздухом, и когда восстановят электричество.

Мы попытались двинуться влево, и посмотреть, что находится за баррикадой, но туннель оказался слишком узким, чтобы сквозь него протиснуться. Оказываться в толпе не хотелось, поэтому мы снова приникли к решетке. Мы стали ждать, надеясь, что ситуация изменится. Животы стали бурчать, и я достал ту еду, что упаковал с собой, покидая бараки. Мы почти доели, когда стражи порядка пришли в движение. Они сделали несколько предупредительных выстрелов из шокеров рядом с толпой, заставив ее уgomониться и отступить на несколько шагов назад. Затем главный среди “миротворцев” заговорил:

«Повстанцы забаррикадировались в районе генераторов и отключили подачу электроэнергии. Если мы в ближайшее время ее не восстановим, последствия станут необратимы. Совет не собирается идти на переговоры с теми, кто пытается решить политические вопросы насильем. Нам приказано подавить это восстание в кратчайшие сроки и восстановить питание купола. По нашим данным, противник сумел наладить производство кустарного огнестрельного и другого летального оружия. Если это правда, нам разрешается использовать летальное напряжение на нашем оружии. Главное сейчас — восстановить подачу энергии...». Смысл произнесенных слов дошел до нас не сразу, а когда дошел — я перестал слушать миротворца, который продолжал свою “вдохновляющую” тираду и в ужасе посмотрел на сестру. В тот момент я был уже уверен, что наши родители находятся по ту сторону баррикад, и, если мы ничего не предпримем, их просто убьют. Я должен был их предупредить.

Последние слова я произнес вслух, и, не дожидаясь ответа Мины, снова рванул налево и стал пытаться протиснуться в узкую щель. Бесплезно. Отчаяние захлестнуло меня, и я привалился к стенке туннеля. Никогда до этого я не ощущал такой беспомощности. Поэтому я слишком поздно заметил, как Мина, немного повозившись, проползла сквозь узкое отверстие. Попытка ухватить ее за руку успехом не увенчалась, и сверкнув глазами на прощание, она бросила мне: «Не волнуйся за меня, я их предупрежу, позаботься о себе» и исчезла в темноте тоннеля.

Еще пара безуспешных попыток протиснуться следом ни к чему не привели и я в очередной раз приник к решетке. Страж порядка уже закончил свою речь и весь отряд спешно распаковывал и распределял какие-то свертки. Через минуту, половина из них полетела за баррикаду и оттуда повалили клубы бело-голубоватого газа. А затем, как по команде, весь купол сотрясся от взрывов. Пол ушел у меня из-под ног, а в воздухе резко запахло гарью. Когда я приподнялся, баррикада была разворочена, а клубы белого дыма смешались с черным. Большая часть людей в толпе повалились друг на друга, и даже несколько стражей порядка упали, хоть по ним и было видно, что взрыва они ожидали. Я краем глаза заметил, как из толпы быстро выступил суховатый человек, и, выкрикнув: «Эй, вы, кровососы!», метнул что-то яркое в сторону миротворцев. В следующий момент, самый

крайний из стражей порядка вдруг вспыхнул оранжевым пламенем, а затем оно перекинулось на двух стоявших рядом с ним. Я попытался разглядеть метнувшего, но он уже затерялся в толпе, словно его и не было. Один из стражей порядка успел крикнуть в рацию, что по ним был открыт огонь, а затем в коридоре начался хаос. Толпа ринулась вперед, оставшиеся свертки полетели на пол, и из них повалил все тот же голубоватый газ, от которого начали нестерпимо слезиться глаза и чесаться кожа.

Я бросился направо, туда, где раньше стояла толпа, но зашелся в кашле, и отрубился. Не знаю, сколько я так провалялся, но очнувшись, я обнаружил, что дым почти рассосался. Стараясь не смотреть на то, во что превратилась кожа на моих руках, я дополз до решетки, ведущей в коридор, и выбил ее ногами. Легкие горели, я почти не чувствовал своих рук, а глаза продолжали слезиться, но я кое-как двинулся в сторону баррикады. Путь до нее был усеян ворочавшимися телами, но и за ней оказались люди, видимо пытавшиеся покинуть загазованную зону оцепления. По мере ходьбы, мне стало лучше, и я прибавил шаг. Запах гари стал становиться сильнее, то тут, то там были очаги пламени, горела какая-то разлитая по полу жидкость. В отделении гремели ещё взрывы, а по стены периодически и искрились. Я старался не обращать внимания на лежащие на полу тела. Не хотелось думать о том, что потерять сознание они могли и не из-за газа. За следующим поворотом пол ушёл у меня из-под ног — весь этаж обвалился на уровень ниже, в смог. Лишь чудом не напоровшись на торчавшую из стен арматуру, я приподнялся и из последних сил побрел дальше. Кругом уже пылало пламя, а стены были раскалены докрасна. Было такое ощущение, что горит сам металл. Когда я выбрался обратно наверх, голова кружилась, а горло было ободрано от непрерывного кашля. Почему я не задохнулся в дыму? Не умер в огне? Не застрял в завале из покореженного металла? Откуда я вообще знал, куда мне идти? До сих пор не могу этого понять.

Сознание то появлялось, то угасало во мне в тот момент. Окончательно я пришёл в себя, лишь когда увидел родителей, лежащих около разорвавшегося генератора. Пламя уже добралось до них, но я знал, что это были они. Эти фигуры я узнал бы из тысячи. Не было смысла подходить. Вокруг пылал огонь, но ему далеко было до того пламени что сжигало мою душу. Я бы так и остался стоять на месте, и вероятно, задохнулся бы, если бы в моем воспаленном мозгу не промелькнуло одно слово: "Мина". Она лежала около ближайшего входа в старый туннель, её голова была придавлена металлической балкой, видимо, обвалившейся во время взрыва. Уже потом я понял, что балка была раскалена, но тогда я не ощутил этого. Я должен был вытащить её из этого ада. И я это сделал. Сдвинул раскаленный металл, взял её на руки и понес наверх, туда, куда ещё не успел добраться дым. Силы покинули меня лишь тогда, когда я увидел впереди человеческие фигуры. Я упал на колени. Хотел крикнуть им, попросить о помощи, но горло издало лишь отвратительный хрип. А затем услышал холодный голос миротворца:

— Вижу двоих повстанцев. Оружия не видно, огонь сильно их потрепал. Указания?

— Не будем рисковать, кто знает, что ещё они могут выкинуть. Огонь по моей команде."

Андрей прикусил язык до крови. Самая вредная его часть так и хотела сказать: "А потом вас убили, да?". Но он понимал, что сделай он это, и Артур больше никогда с ним не заговорит. Да и не был он циником. Просто слушать рассказ, видеть, как человек заново проживает эти события... Андрей уже пожалел о том, что старейшина заставил Артура все это рассказывать. А вот Мина была на удивление спокойна. На секунду он даже подумал,

понимает ли она вообще, о чем идёт речь, может её личность и вовсе умерла в том пожаре? Но нет, в её глазах была холодная осмысленность. И боль. Просто, в отличие от брата, она полностью контролировала свои эмоции.

"Не было ни сил, ни желания просить о пощаде. Только мысль о том, как глупо выбраться живым из пекла и попасть под горячую руку миротворцев. Но вместо команды, я услышал глухой стук, неловкий вскрик и ещё один звук удара, а когда поднял глаза, на меня смотрели эти карие глаза" — с этими словами Артур кивнул в сторону старейшины — "это было последним, что я увидел, перед тем как потерять сознание. А Мина... она и раньше не любила говорить, а после этого не произнесла ни слова. "

Андрей выждал несколько минут, а затем аккуратно прочистил горло. Начинать говорить после такого монолог не очень хотелось, он все ожидал, что Артур продолжит, но тот молчал и как будто вовсе погрузился в себя и свои воспоминания. Андрей решил дать ему прийти в себя и повернулся к старейшине. Обычно он считал невежливо разговаривать при других людях на незнакомом им языке, но сейчас ему не хотелось задевать Артура, поэтому он заговорил на русском:

— *Если вы были там, то, наверное, знаете, что было причиной пожара?*

— *Помимо гранат со слезоточивый газом, миротворцы применили старые подрывные снаряды, которые использовались строителями куполов для расчистки камней. Эти снаряды повредили трубопровод и произошёл ряд коротких замыканий. Тебе правда интересны эти детали? Или ты готовишь почву, чтобы спросить то что хочешь знать на самом деле?*

— *Что случилось с Модро?*

— *То, что должно.*

Глава 6: Выбор

Смысл произнесенных слов не сразу дошел до Андрея. Он заглянул в глаза старейшине, и не узнал их. Вместо застывшего пламени он увидел холодный отблеск стали.

— Вы... вы убили его?

— Да.

Он произнес это с той же легкостью, с которой отправил ложку с вонючими грибами себе в рот, и не мигая уставился на Андрея.

— Так вот кто вы такие. Братство, все эти пафосные слова о защите человечества, а на самом деле вы — просто убийцы?

Тут голос подал Артур:

— А что, по-твоему, должно было произойти? Не вмешайся братство, толпа растерзала бы его. То, что было сделано, было милосердием по отношению к нему. Или ты считаешь, что его надо было защищать? Позволить его друзьям из совета вытащить его из этой передраги? Нет. Он отдал приказы, которые привели к гибели людей, а своей политикой поставил существование купола под угрозу. Он должен был быть наказан.

— И кто решает, как он будет наказан? Вы? Кто дал вам такое право? Да вспомни свой собственный рассказ, кто начал кровопролитие? Миротворцы, или тот человек из толпы, метнувший горючую смесь? А если братство было способно остановить разгоревшийся конфликт, что помешало влезть в эту ситуацию раньше? До того, как начались протесты?

Артур покраснел. Он набрал воздуха в легкие, но ему на плечо в очередной раз опустилась рука Мины. Он моргнул, выдохнул и откинулся назад, показывая, что этот разговор он закончил. Тогда свой голос снова подал старейшина:

— Ты прав, любой конфликт не возникает просто так. И практически в любом конфликте есть зачинщики с обеих сторон, а страдают те, кто оказался между ними. А попытайся мы влезть в эту ситуацию раньше и решить ее силой — и мы стали бы не лучше, чем остальные участники. Но есть моменты, когда необходимо отбросить законы, моральные принципы — все то, что тебя связывает. Потому что на кону стоит более важная вещь, чем твоя честь: выживание человечества. Модро был опасен. И оставался опасным. Мы же подарили ему быструю и безболезненную смерть — много больше того, чем народ наградил бы его. Иногда чтобы подняться, сначала необходимо спуститься; чтобы нести жизнь необходимо посеять смерть; а для того, чтобы прийти к свету — нужно пройти сквозь тьму.

— Даже если это и так, я не хочу быть частью этого. Ваше предложение про подлодку все еще в силе?

— Конечно, ты волен покинуть нас, когда захочешь.

— Отлично, тогда пусть это будет сейчас.

Неожиданно Андрей осознал, что все остальные люди в зале смотрят на них и не произносят ни слова. Он поднялся и по памяти двинулся обратно, к доку. Старейшина молча проследовал за ним.

Андрей все ожидал, что из-за угла кто-то выскочит и попытается его остановить, или что старейшина ударит его сзади, как это сделал неизвестный в первом куполе, но весь путь до шлюза прошел без особых происшествий. Пару раз он сомневался в выборе направления, но следовавший за ним старик каждый раз подсказывал дорогу. Лишь у самого входа в

подлодку он окликнул его:

“Я понимаю твои эмоции, поверь. Даже присоединившись к братству, я далеко не сразу согласился с его методами. Но позволь задать тебе последний вопрос: ты веришь, что после всего, что натворило человечество, всего ущерба, которое оно нанесло этой некогда прекрасной планете, веришь ли ты, что мы заслужили второй шанс? Не отвечай сразу, просто подумай. перевешивает ли то хорошее, что мы сделали, те разрушения, причиной которых мы стали? Мы убиваем, это правда. А еще мы собираем информацию, провозим контрабанду, коллекционируем и изучаем старые технологии. Мы могли бы диктовать людям, как им жить, навязать наш порядок и обеспечить его выполнение. Но вместо этого — все, что мы делаем — мы посвятили одной цели: дать человечеству второй шанс. Там, на поверхности, его нет. Ни для тебя, ни для кого. Но здесь, у нас есть надежда, какой бы тусклой она тебе ни казалась. Подумай об этом.”

Старейшина скрестил руки на груди и так и остался стоять, когда Андрей прошел в подлодку и сел в кресло перед рычагами управления. Слова старейшины одновременно вызвали и отклик в его душе, и отторжение. Но чем больше он пытался отбросить их, тем сильнее они звучали в его ушах. Он посмотрел в потолок подлодки, словно надеясь увидеть там ответ. Ему не нравилось братство. Но был ли смысл оканчивать свою жизнь там, на поверхности, одному? Сможет ли он, если останется, сделать братство лучше? Или оно сломает его и сделает безвольным фанатиком? Наконец он не выдержал и, вскочив с кресла, вышел обратно в купол:

— Похоже, у меня нет выбора: сверху смерть, снизу тоже смерть, а дороги до других куполов я не знаю. Так что придется мне остаться с вами.

— Выбор есть всегда. Просто иногда самая сложная его часть — осознать, что ты его уже сделал. Рад, что ты решил остаться. Артур займется твоим устройством здесь и твоими тренировками. Советую вернуться в столовую, пока остатки еды не остыли — она и теплая-то не очень на вкус, а уж холодная...

— Тренировками? Но постойте, у меня остались не заданные вопросы...

— Если можешь их задать, то наверняка можешь и сам ответить на них. Еще раз советую поторопиться. И да, лучше извинись перед Артуром, парень тебе душу изливал, а ты не оценил.

С этими словами старейшина нырнул в один из туннелей, оставив Андрея в одиночестве размышлять, правильный ли выбор он сделал.

Глава 7: Откровения

Удар. Еще один. И еще один. Блок. Уворот. Удар. Блок. Удар ногой. Бло... Не успел. Пол оказался неожиданно холодным и освежающим. В последние два месяца Андрей часто удивлялся этому факту — раньше он этого не замечал. Но, как и всегда в последние два месяца, долго размышлять на эту тему ему не пришлось: там ним выросла фигура Артура. Пятнадцать секунд назад этот человек отправил его на пол резким ударом в челюсть, а теперь нависал над ним с протянутой рукой, предлагая помощь.

Первая мысль вцепиться в руку и попытаться повалить противника была моментально отброшена: Андрей уже по опыту знал, что в борьбе он от Артура огребал намного быстрее. Челюсть вяло ныла, а во рту появился привкус крови. Усилием воли Андрей проглотил кровь, а затем еще большим усилием проглотил следом свою гордость и ухватился за протянутую руку.

Каждый день все члены братства тренировались. Кто-то приходил лишь на два часа в день, кто-то же целые дни проводил в зале. Артур оказался из последних, и Андрею пришлось последовать его примеру. Не то чтобы он сильно возражал, впрочем. После полугода бесцельного существования с редкими перерывами на починку техники да разговоры с не в меру болтливым Сайласом, жесткий распорядок дня оказался неожиданно интересной альтернативой.

Несмотря на абсолютную непригодность куполов (это всегда поражало Андрея — неужели строители не задумывались о том, что людям надо будет держать себя в форме), члены братства оборудовали маршруты для пробежек, выложенные чем-то отдаленно напоминавшим гравий, создали залы для спаррингов и гимнастических тренировок, оборудовали их самодельными тренажерами.

В старой жизни ему никогда не хватало силы воли, чтобы заниматься каждый день. Здесь же он начал получать от этого удовольствие. Конечно, первое время тело болело, затем ныло, а потом и вовсе стало гореть. Зато по ночам он стал засыпать, едва касался головой подушки, пропали многочасовые попытки найти самое удобное положение на кровати и выбросить все лишние мысли из головы. А со временем он приспособился и к таким нагрузкам и стал вполне комфортно себя чувствовать, даже после целого дня интенсивных тренировок. Тогда-то Артур и стал вытаскивать его на ринг.

Драка, борьба, тренировки с холодным оружием. Даже дети здесь неплохо владели ножами и умели стрелять из лука. Но особое внимание все члены братства уделяли именно безоружному бою. Это считалось способом понять противника — и через него — самого себя. Но пока что все, что Андрею удалось понять — болеть могут даже те мышцы, о существовании которых он раньше и не подозревал. Артур легонько хлопнул его по плечу, возвращая в реальность:

— Что-то ты размечтался. Как насчет смены деятельности? Готов наконец освоить стрельбу из лука?

— Честно говоря, я предпочел бы не заниматься ею вовсе, не хватало еще спину перекосить от несимметричной нагрузки. Покажи лучше, как метать ножи?

— Ох, в ножах я не очень силен. С этим тебе лучше обратиться к Борсу, когда он вернется, через неделю. Ну или можешь попросить Мину, она у него училась какое-то время. Только дождись, пока она закончит медитацию.

— Вернется? Откуда вернется?

— Эти вопросы не мне следует задавать.

С этими словами Артур едва заметно кивнул в сторону старейшины, наблюдавшего за происходящим в зале с импровизированного балкона. С момента их разговора в доке, Андрей почти не пересекался с ним, тот словно бы избегал прямого контакта. Вот и сейчас, поймав на себе чужой взгляд, старейшина развернулся и исчез в темноте туннеля.

— Не очень-то просто задавать вопросы человеку, который явно не хочет с тобой разговаривать.

— Не воспринимай это на свой счет. Старейшина в принципе не любит с людьми разговаривать. В день твоего прибытия он сделал для тебя исключение, причем никто из нас не понял, что в тебе было такого особенного.

— Да уж, боец из меня не очень...

— На эту тему не переживай. Если есть желание и силы — многого можно добиться, я не был сильно лучше тебя, когда попал сюда. А если так уж жаждешь получить ответы на свои вопросы, не жди что он заговорит с тобой, но иди к нему сам. Самый верхний этаж, иди по седьмой лестнице. Мина как раз закончит медитацию, я предупрежу ее что ты хотел позаниматься с ножами.

— Спасибо. Увидимся!

Лифты здесь не работали — видимо ради экономии электроэнергии. А может, их просто не успели запустить, Андрей не спрашивал. В условиях непрерывных тренировок использование лестниц казалось вполне логичным. Подъем не был особо долгим — спустя несколько пролетов металлическая лестница оборвалась. Её край был аккуратно отогнут, чтобы обезопасить подходящих к обрыву. А в паре метров над ней заканчивалась и лестничная шахта — ее стенки были сжаты в груды металлолома, из которого торчали стальные пруты арматуры. Полубовавшись на верхнюю границу своего нового дома, Андрей устремился в короткий коридор, оканчивавшийся стальной дверью.

На стук никто не ответил, поэтому, помявшись с полминуты, Андрей аккуратно толкнул дверь. Она оказалась не запертой, но открылась с противным скрипом — петли давно заржавели от сырости, а смазывать их никто не добирался. Яркий свет ослепил Андрея. За дверью оказался относительно просторный кабинет, отделанный деревянными панелями и освещенный несколькими десятками лампочек, свисавших с потолка на проводах разной длины. В дальнем конце комнаты, за деревянным столом работал старейшина. Он сидел лицом к Андрею, но все его внимание было сосредоточено на открытом ноутбуке, лежавшем на столе перед ним. От удивления Андрей потерял дар речи, и так и застыл в дверном проёме. Наконец, старейшина оторвался от ноутбука и поднял на него свои глаза.

— Хватит стоять в дверном проеме, либо заходи, либо иди по своим делам.

— Это правда ноутбук? Не думал, что где-то в куполах найдется хоть один работающий экземпляр.

— Ну, я вроде упоминал, что мы занимаемся контрабандой. Иногда эта работа дает некоторые... преимущества. Чаю?

С этими словами старик закрыл крышку ноутбука и потянулся к заварочному чайнику, стоявшему слева от него на столе. Андрей через силу закрыл дверь, издавшую при закрытии даже более страшные звуки, чем ранее, и уселся напротив старейшины.

— Как тебе жизнь в седьмом куполе? Что Артур говорит о твоих тренировках?

— Он утверждает, что у меня большой прогресс. Не могу сказать, что разделяю его

энтузиазм — меня все еще избивают даже дети — но кажется я втянулся в сам процесс. Что же касается жизни здесь... не хочу жаловаться, эти два месяца были намного интереснее всей моей жизни в шестом куполе. Но все-таки мне часто кажется, что я мог бы приносить большую пользу, если бы занимался еще и интеллектуальным трудом. Все-таки я здесь один из немногих людей с...

— Высшим образованием?

Старейшина закончил за него фразу в тот момент, когда Андрей прикусил язык, чтобы не сказать чего лишнего. Он подвинул ближе к собеседнику одну из чашек, а сам с невозмутимым видом взял второй и сделал большой глоток. Но несмотря на кажущееся спокойствие, в глазах его плясали озорные огоньки, а сам он внимательно следил за реакцией Андрея.

— Откуда вы знаете? Что... что еще вам известно?

— Не так много, как ты думаешь, к сожалению. Человек буквально появляется из пустоты в коридоре одного из куполов. Он говорит на чистом русском языке, а в следующие несколько недель активно интересуется катастрофой, устройством куполов и вообще всеми значимыми событиями за последние пятьдесят лет. Логично предположить, что ты из прошлого. Но нет, я понятия не имею каким образом ты переместился во времени.

— Но ведь вас не было в том коридоре, в тот вечер, когда я оказался в этом времени. Там никого не было. Как вы об этом узнали?

— Мальчик мой, в куполах даже у стен есть уши и глаза. Или ты думал, что организация общества была брошена создателями на самотек? Как, по-твоему, бригадиры подтверждают количество талонов для еды, которое им надо выдать?

— Я... Но постой, если наше передвижение и работу постоянно контролируют, почему я смог так легко вписаться в бригаду? Система должна была опознать меня, как чужака.

— Она и опознала. Но к счастью для тебя, у братства есть доступ не только к системе слежения, но и к базам данных. Пришлось немного постараться, и вот у тебя уже было фальшивое дело.

— Не понимаю. Зачем было это делать? И если уж ты так из-за меня заморочился, почему не вышел со мной на связь?

— Я и вышел, как видишь. Но мне было интересно понаблюдать за твоими реакциями. Да и встретить я тебя сразу, сколько усилий я бы потратил на то, чтобы убедить тебя, что мир на поверхности уничтожен? А так — ты сам себя в этом убедил. И сам принял решение присоединиться к братству.

Андрея заколотило от ярости. Этот человек мог помочь ему, мог избавить его от полугода метаний, которые в итоге привели его к почти суицидальным мыслям. А вместо этого он сидел и следил за ним, словно за подопытной крысой. Андрей сделал большой глоток чая, выдохнул, вдохнул и, отбросив эмоции, задал следующий интересовавший его вопрос:

— Эта система слежения, о которой ты говоришь. Она охватывает все купола?

— Все достроенные. И да, она показывает точное местоположение любого человека в пределах купола. Даже если он находится в старых технических тоннелях. Со звуками чуть сложнее, но в пределах основных помещений, можно и все разговоры слушать.

— Но чтобы записывать такое количество данных, нужны огромные объемы памяти. А если не записывать, то какой в этом смысл? И если эта система действительно существует, она должна быть максимально защищена. Любая точка доступа к ней будет

охраняться, как зеница ока, если...

— Продолжай, что же ты замолчал?

— Если к ней можно будет подобраться. А если она находится в месте, которое считается недоступным...

— То какой смысл ее охранять?

— Так вот зачем вы были в Первом куполе.

— Видишь, ты сам начинаешь отвечать на свои вопросы.

Старейшина с явным удовлетворением откинулся в кресле. В ярком свете ламп Андрей вдруг увидел морщины, испещрявшие его лицо. Во время предыдущих встреч он их не замечал. Андрей не был силен в угадывании возраста по внешности, и все же обычно, глядя на человека, он мог прикинуть его возраст с точностью до десятка лет. Но глядя на это лицо, он не мог сказать ничего определенного, словно с него стерли все все опознавательные признаки. Единственное, что выделялось — глаза. То, что в первый раз показалось Андрею пламенем, теперь ощущалось, как отпечаток старой боли. И в тоже время эти глаза излучали жизненную энергию, как ничьи другие. Завороженный ими, Андрей задал вопрос, даже не успев сообразить, что это совершенно не то, о чем он хотел спросить раньше:

— Вы ведь застали катастрофу в осознанном возрасте, верно? Сколько вам было лет?

— В осознанном возрасте? Как незаметно мы перешли к философским вопросам...

Какой возраст для человека можно считать осознанным?

— Я не это имел в виду...

— Я знаю. Уже и поерничать не дадут, вот ведь молодежь нынче пошла... Да, мне было около сорока лет в тот период. И катастрофа не просто произошла у меня на глазах. В отличие от многих, я предвидел её. Но так и не смог остановить. Впрочем, возможно, мне еще удастся это сделать.

— Что сделать? Остановить грядущую катастрофу? Разве в ближайшее время планируется еще одна?

— Катастрофы постоянно происходят. Поэтому и существует братство. И потому ты нужен нам.

С этими словами старейшина лукаво подмигнул Андрею. Его формулировки были слишком туманны, и Андрей вновь стал раздражаться. Затем, его посетила неожиданная мысль:

— Подожди, около сорока лет на момент происшествия? Но тогда получается, что сейчас тебе за 70?

— Я неплохо сохранился.

— А еще мы с тобой примерно ровесники! Мы не могли встречаться до этого всего? Хотя нет, вряд-ли.

— Почему ты так решил?

— Ну, твоя манера общения, вряд ли она сильно изменилась за эти годы. Скажем так, если бы мы пересекались, ты бы либо сильно понравился мне, либо наоборот, ужасно выбесил. В любом случае, я бы тебя запомнил.

— Думаю, ты прав, так бы и было.

— Возвращаясь к этой системе слежения. Я все равно не могу сложить полную картину у себя в голове. Допустим в Первом куполе есть точка доступа. Но почему вы подключились к ней только сейчас? И неужели ты был готов пожертвовать кем-то из братства ради этого подсоединения?

— Система постоянно обновляется. В этот раз протоколы безопасности существенно поменялись, нам пришлось подключать дополнительную вычислительную технику для их обхода. Собственно, об шнур, которым мы ее запитали, ты и споткнулся. И не надо округлять глаза, неужели не очевидно, что если в первом куполе есть точка доступа, то и система слежения до сих пор неплохо работает? А что касается жертвенности. Ты прав, риск был, но не такой большой, как ты думаешь.

— У вас есть какие-то специальные костюмы, или...

— Думаю, в своих тренировках ты недостаточно внимания уделяешь медитациям.

— Хочешь сказать, медитации защищают от радиоактивности? Не верю!

— Верить или не верить, это твой выбор. А позаниматься этим настоятельно рекомендую. Думаю, ты придешь к выводу, что состояние сознания влияет на тело сильнее, чем ты считал ранее. Похоже, я допил свой чай. Если это были все вопросы, то мне необходимо возвращаться к работе, а тебе — к тренировкам.

— Как раз по поводу тренировок...

— Ах, да, точно! Ты хотел чего-то более... интеллектуального. Попроси Марселя, он покажет тебе окрестности на досуге. Погуляй, посмотри. И решай сам, где ты можешь быть полезен. Только не злоупотребляй нашим гостеприимством, лентяев мы здесь не держим.

— Что, внутри этого купола ты тоже за всеми следишь?

Этот вопрос остался без ответа. Испытывая смешанные чувства, Андрей вышел из комнаты и резко, с отвратительным скрежетом, захлопнул за собой дверь.

Глава 8: Видение

Когда Андрей вернулся, Артур бодрым тоном сообщил ему, что Мина еще не закончила медитацию. На вопросы о Марселе он указал на невысокого плотного мужчину восточной внешности со сверкающей лысиной, который в одиночестве тренировался с двумя короткими палками за вращающимся манекеном. Он бил по нескольким вращающимся секциям с длинными торчащими из них палками и отражал боковые “удары”. Услышав приближающиеся шаги, он моментально обернулся и принял защитную стойку. Но мгновение спустя, он опустил руки и непринужденно рассмеялся:

— Прости, я слишком увлекся тренировкой и, кажется, на минуту забыл, где я нахожусь. Что привело тебя ко мне, брат?

— Старейшина сказал, что ты можешь показать мне различные части купола.

— Вот как? Он уточнил, какие? Не хотелось бы тревожить еще с уточнениями.

— Да в общем... Все что связано с техникой, где я мог бы принести пользу.

— Ты новенький, верно? Сразу, как тебя увидел, понял, что ты головастик.

— Прошу прощения?

— Ну... умный шибко. Да не напрягайся, я не пытаюсь тебя обидеть, брат. Будет тебе осмотр, не пожалеешь. Только сейчас у меня тренировка в самом разгаре. Приходи завтра утром, после завтрака, любую технику тебе покажу.

— Хорошо, спасибо!

Марсель расплылся в широкой улыбке, а затем, не говоря ни слова, повернулся к манекену и продолжил свой поединок. Андрею ничего не оставалось, кроме как вернуться к Артуру, который уже ожидал его с плохо скрываемым энтузиазмом:

— Еще пару боев? Силы есть, или все растерял по дороге?

— Ты сегодня омерзительно жизнерадостный, ты это знаешь?

— А ты, как обычно, строишь из себя буку. Ладно, не хочешь тренироваться со мной, иди жди Мину в зал для медитаций. Дорогу найдешь?

— Да, найду без проблем. Хорошо позаниматься.

Зал для медитаций располагался в другой части купола, подальше от шума машин и занимавшихся людей. Были и те, кто погружался в себя там же, среди тренирующихся, но таких было немного, большинство предпочитали уединяться в тишине. Андрей прошел сотню метров, поднялся на этаж выше, и, уже у самого входа в зал услышал странный звук. Волосы у него на руках встали дыбом, как только он узнал этот звук. Хриплый, каркающий смех, тот самый что издавала плюшевая игрушка медведя в первом куполе, доносился из-за вентиляционной решетки у самого пола узкого коридора. За прошедшее время Андрей напрочь забыл об этом происшествии, но сейчас воспоминания резко вернулись, и он пожалел, что не спросил об этом происшествии старейшину, когда была возможность.

Звук затих, и, превозмогая себя (это же всего лишь какая-то игрушка, в конце концов) Андрей встал на колени и попытался что-либо рассмотреть в темноте за решеткой. Но коридорные лампочки едва справлялись со своим основным назначением, и вентиляционное отверстие смотрело на него глухой стеной темноты. Наконец, он решил, что хватит стоять на коленях посреди коридора, и поднявшись на ноги, решительно двинулся ко входу в зал.

— Наслаждаешься своим приключением?

— Кто здесь?!

— Правильно, получай удовольствие, пока можешь. Раз, два, три, четыре, пять, время оборачивается вспять.

Нервы Андрея окончательно сдали, и, не в силах больше выдержать эти режущие уши звуки хриплого голоса, он со всех ног побежал по коридору и, не сбавляя темпа, ворвался в зал для медитаций.

Это помещение было узким и вытянутым, по все его длине тянулись три коридора, а по бокам от них располагались невысокие кабинки, предназначенные для уединения. Из-за их высоты, стоявший человек легко мог заглянуть в ближайшие к нему отсеки и увидеть, заняты они или нет. Человек же, засевший в них оказывался отгорожен окружающего мира практически со всех сторон.

Когда Андрей на полном ходу влетел в зал, несколько человек в кабинках рядом со входом приоткрыли глаза и одарили его недовольным взглядом. Большая же часть не обратила на него никакого внимания. Сердце еще стучало в висках, а отголоски странной считалки эхом отдавались в ушах, и меньше всего на свете Андрею сейчас хотелось оставаться наедине со своими мыслями. Но перспектива идти обратно по тому же коридору не сильно привлекала.

Капюшон на голове во время медитации не особо пользовался популярностью в кругу братства, поэтому Мину он нашел без труда. Андрей надеялся, что сейчас в темноте под тканью блеснут огоньки ее глаз, но напрасно. Она сидела абсолютно неподвижно. Попереминавшись с ноги на ногу примерно полминуты, он обреченно опустил в одну из кабинок напротив. Позу лотоса растяжка ему пока не позволяла, поэтому он уселся по-турецки и попытался абстрагироваться от странного происшествия.

Вдох — выдох. Наслаждаешься своим при... Нет! Не думать об этом. Это нереально. Вдох. Раз, два... Боже, кажется, я схожу с ума. Выдох. Пауза. Вдох. Пол жесткий, сидеть неудобно. Выдох. Надо вспомнить слова какой-нибудь песни, это поможет переключиться. Вдох. Как назло, ничего не приходит в голову. Выдох. Наклон вперед, лишний воздух продолжает выходить из легких при сжатии. Пауза. Глубокий вдох. Пауза.

Он задержал дыхание на столько, на сколько это возможно. С наполненными воздухом легкими стук сердца отдавался уже не только в висках, но и по всему телу. Он сосредоточился на этом ритме и наконец-то испытал небольшое облегчение — мысли стали успокаиваться. Андрей закрыл глаза и терпел до момента, пока легкие сами не вытолкнули из себя воздух. Он открыл глаза и неожиданно осознал, что все вокруг словно бы покрыто белой дымкой. Андрей потерял глаза, но против его ожиданий, дымка не исчезла. Зато глаза стали слезиться, и он окончательно перестал видеть происходящее вокруг.

Он попытался встать — и не смог, ноги словно бы в мгновение онемели от неудобной позы и отказывались слушаться. Руки стало колоть холодными иголками, а по спине побежали мурашки, но вскоре и эти ощущения пропали, теперь Андрей словно бы без тела беспомощно парил в белесой дымке, окончательно заполнившей все вокруг. Краем глаза он заметил какое-то шевеление — дымка не была безжизненной. Кое-как сосредоточившись, он заметил, что она течет, меняется и словно бы внимательно следит за ним. “Чего ты хочешь от меня?” — попытался закричать он, но так и не услышал звука собственного голоса. Дымка, однако, отреагировала: на секунду она расступилась, показывая со стороны коридор — и его самого, уставившегося на темноту за решеткой вентиляции, а затем снова сомкнулась. “Что ты такое?” — новый крик моментально потонул в густом тумане. Но на сей раз ответа не последовало.

Несколько минут Андрей играл в гляделки с пустотой, отчаянно пытаюсь придумать способ выбраться из этой передрыги. Мысль о том, что на самом деле все это происходит лишь у него в голове, пульсировала в его мозгу, но абсолютно не помогала найти решение. А ведь наверняка он сейчас лежит на полу зала и бьется в каком-нибудь припадке. Интересно, догадается ли кто-то ему помочь, или никто даже не заметит происходящего? Наконец, он сдался и без особых надежд произнес свою последнюю фразу: “Раз, два, три, четыре, пять, время оборачивается вспять.” Около пятнадцати секунд ничего не происходило, а затем он резко стал падать вниз, и белесая дымка сменилась абсолютной тьмой.

Падение закончилось также неожиданно, как и началось. Тьма расступилась и превратилась в его детскую комнату, где сам он — еще ребенок пытался построить самодельную “пещеру” из стола, подушек и пледа. И несмотря на то, что конструкция получилась весьма неустойчивой и разваливалась от одного чиха, сам чрезвычайно радовался, отгородившись от внешнего мира полоской пледа.

На Андрея нахлынуло удивление — он совсем забыл про этот момент своей жизни, а ведь тогда он еще не испытывал такого напряжения от замкнутых пространств. Но прежде, чем он успел задуматься о том, что это значит, обстановка резко изменилась: теперь они с отцом стояли у окна дома и ждали, периодически вглядываясь в темноту. Маленький Андрей тер глаза и недовольно поглядывал по сторонам — он явно не был доволен столь раннему пробуждению. Но вот отец касается плеча ребенка — край неба медленно покраснел, и наконец стал ярко-алым, а затем из-за горизонта показался диск солнца. Ребенок резко позабыл про сон и во все глаза смотрит на это чудо, которое всегда было рядом с ним, но лишь сейчас стало ему заметным.

Прохладная квартира сменилась жаркой маршруткой, изрядно подергивающейся на неровностях дороги. Андрей, как обычно, прилип к стеклу, несмотря на запреты, и жадно ловит глазами все окрестности. Резкий поворот — и вдруг в поле зрения ребенка попадает ярко-голубое море. Пройдет неделя, и он привыкнет к этому пейзажу, но сейчас — его не оторвать от стекла и эвакуатором.

Уже изрядно повзрослевший Андрей с трудом вваливается в комнату. На нем школьная форма, а на его лице написана усталость — день явно был тяжелым, а дорога до дома вымотала его окончательно. Он снимает пиджак — и вдруг замирает, замороженный игрой теней и солнечных лучей на стене у окна. Это воспоминание, в отличие от предыдущих Андрей не забывал никогда. Тот день, когда в солнечных лучах он неожиданно потерял самого себя. Сама мысль о том, что он лишь человек, маленькая часть этого мира в тот миг казалось ему нелепой — он ощущал себя всем, что происходит вокруг, единым с окружающим миром. И лишь одна мысль тогда не давала ему покоя. Мысль, что раньше у него было имя, набор звуков, с которым он себя ассоциировал. Немного напрягшись, он вспомнил его, а вместе с ним — обрел и себя самого. И сколько он потом не пытался, ему не удавалось вновь вернуть это ощущение.

Зимний закат. Уже совсем взрослый Андрей, спешивший по своим делам, вдруг встает на площади перед своим институтом и наслаждается последними лучами заходящего солнца. В лицо ему дует приятный прохладный ветерок, а гул людей, обтекающих его со всех сторон, неожиданно смолкает на пару секунд. Несколько секунд Андрей не понимал, что это за воспоминание, а когда понял — резко дернулся в сторону прежнего себя. Дернуть, заставить открыть глаза, любой ценой удержать и не дать переместиться во времени. Но момент упущен. Андрей исчезает, и вместе с ним исчезает и площадь, и все остальное.

Биение сердца вновь отдается в висках, а к телу вновь вернулась чувствительность. Открыв глаза, Андрей увидел Мину, протягивающую ему руку. На ее лицо любопытство, напололам смешанное с тревогой. Андрею хочется спросить издавал ли он какие-то звуки, но она все равно ему не ответит. Его предположение о падении оказалось неверным — все это время он так и сидел в позе по-турецки, хотя ноги и впрямь немного затекли. Поэтому — второй раз за день — он схватился за протянутую руку и рывком поднялся. После всех этих видений страх уступил место чему-то новому. Возможно, он сошел с ума. И уж совершенно точно его жизнь пошла совсем не так, как он планировал. Но впервые он задумался, что возможно, те пять моментов, которые он сейчас увидел, стоят всей его жизни. И стоят того, чтобы ее продолжать.

Глава 9: Лезвие

Нож состоял из узкой полоски металла, немного сужавшейся при переходе от лезвия к рукоятке. Андрей уже несколько часов пытался поразить мишень, стоящую в нескольких метрах от нее. И хотя он и начал попадать в цель, нож упорно отказывался втыкаться и отскакивал от мишени как камень. Периодически он посматривал на Мину, и пытался скопировать ее движения. Она изящно метала ножи прямо на бегу, не останавливаясь ни на секунду. Периодически в зале для метания появлялся кто-то еще, но такие люди редко задерживались здесь больше, чем на пятнадцать минут.

Андрей в очередной раз занес руку назад для броска, но ее неожиданно свело. От удивления он слегка ослабил хватку и нож выскользнул, оставив неглубокий порез на указательном пальце. Андрей несколько секунд недоуменно смотрел на капли крови, падающие с его руки на пол, а затем обессиленно сел, не сходя с места.

Мина легко опустилась на корточки напротив. Сейчас на ней не было капюшона, а длинные темные волосы были стянуты в хвост, спадавший до плеч, чтобы не мешать обзору. “Тебе когда-нибудь приходила в голову мысль, что все вокруг — это всего лишь сон, а ты никак не можешь проснуться?” — негромко произнес Андрей.

Вместо ответа она сняла резинку, удерживавшую волосы вместе, а затем сильно встряхнула головой, так, чтобы темные локоны закрыли большую часть ее лица вместе с ожогами. Мгновением спустя в ее руке оказался нож. Мина аккуратно взяла его обеими руками и повернула плоской стороной к себе. Зеркальная поверхность металла прекрасно отражала ее лицо.

Андрей с минуту наблюдал за игрой света на кромке лезвия, а затем тихо констатировал: “И все-таки это не сон...” Мина оторвалась от лезвия и уставилась на него, видимо ожидая комментария. “Будь это сном, я не смог бы сконцентрироваться на этом объекте, — продолжил он, — детали размывались бы, сейчас же я могу сконцентрироваться даже на самых мельчайших из них”.

Повисло неловкое молчание. По крайней мере, Андрею оно казалось неловким, Мина, судя по всему, никакого дискомфорта от тишины не ощущала. Наконец, Андрей не выдержал и задал давно интересовавший его вопрос: “Ты не можешь говорить или не хочешь? Помню, когда я в первый раз тебя увидел, ты издала какой-то звук. Ты пыталась снова начать разговаривать?” Мина смерила его взглядом, поднесла палец к губам, призывая к тишине, и снова стала разглядывать нож.

Разговор явно не клеился. А сил встать и продолжать тренировку у Андрею уже не было — день выдался слишком насыщенным. Вместо этого он откинулся на холодный пол и стал прислушиваться к тишине. Воспоминания о разговоре со старейшиной и об инциденте во время медитации постепенно уступили место ощущению пустоты в голове. И странному удовлетворению.

Он резко поднялся и взял в руки свой нож, заляпанный уже успевшей потемнеть кровью. “Знаешь, последние полгода я только и делал что жалел себя. Рассуждал о том, как мне не повезло, как меня лишили выбора. Но истина в том, что, зная все, что произошло, я не жалею о том, что я здесь и сейчас. Более того, я всегда мечтал вырваться из привычной мне жизни, попасть в другие условия, попробовать себя в экстремальной ситуации. И такова уж видимо природа желаний: получив объект своих вожеланий мы осознаем, что он не так

и хорош, как нам казалось. Только это не повод прекращать мечтать. Это стимул взрослеть и ставить себе новые цели. В конце концов, важно не то, чего я добился, а то каким путем я шел. И моя жизнь была вполне неплохой, если уж на то пошло”, - с этими словами он метнул нож в мишень. Он не попытался повторить чье-то движение, не думал о том, как это надо сделать. Просто метнул. И прежде, чем нож коснулся мишени он уже знал, что попал. И что на сей раз нож воткнется и легко завибрирует, призывая вытащить его и метнуть вновь.

Мина тоже поднялась. На ее губах играла легкая улыбка. Поддавшись внезапному порыву, Андрей убрал прядь волос с ее лба и, заглянув прямо в глаза, сказал: “А ты — ты как феникс, восстала из пепла. И не нужно прятать свои ожоги, они делают тебя той, кто ты есть. Тебе осталось только это принять, потому что все остальные в братстве это уже сделали”. Брови Мины сошлись на переносице. На мгновение, ему показалось, что он пересек черту и задел её чувства. Он уже приготовился к удару в живот, но ее лицо неожиданно прояснилось, и она крепко его обняла. Пока он размышлял о том, будет ли нормальным обнять ее в ответ, прозвенел звонок, означавший скорое начало ужина.

У входа в столовую их ждал Артур. Увидев Мину без капюшона, он слегка напрягся, и ухватив ее за локоть, поинтересовался, все ли хорошо. Утвердительный кивок, похоже, озадачил его еще больше, поэтому он сконцентрировал свое внимание на Андрее:

— Как твои тренировки? Хотя бы раз смог попасть по мишени?

— Не поверишь, но да. Ровно один раз и смог...

— Ну, ты главное не впадай в крайности.

— Не понял?

— Не расстраивайся, но и не обольщайся. Главное продолжать тренировки.

— И не думал их прекращать, не переживай.

— Постой! Слушай... с ней точно все в порядке?

— Более чем. По крайней мере, нет ничего, что она сказала мне, о чем ты не знаешь.

— Очень смешно. Ладно, пошли есть.

Еда была отвратительна, как обычно. Пока Артур с Андреем заталкивали ее в себя, Мина достала небольшую дощечку, нож, и стала что-то увлеченно на ней выцарапывать. Через несколько минут она перевернула её, продемонстрировав хищную птицу с длинным хвостом, взлетающую из языков пламени. Феникс.

Андрей рассчитывал, что после столь насыщенного дня он провалится в легкий сон без сновидений, но не тут-то было. Даже во сне ему не было покоя: он бежал по каким-то коридорам, затылком ощущая дыхание преследователей. Но вот за очередным поворотом показалась громоздкая металлическая дверь. Он налетел на нее — и вот уже стоит сразу за ней, ослепленный ярким солнечным светом. Кругом песок, но вдалеке видны пальмовые рощи: он оказался где-то в южной местности.

Спустя мгновение он снова ощущает близость преследователей и вновь окунается в бесконечную гонку, на сей раз проходящую по песчаным склонам. Дюны сменяют друг друга, а затем раздвигаются и открывают взору гигантский продолговатый объект, вертикально торчащий из земли. Космическая ракета призывно блестит на солнце, и Андрей вдруг осознает, что именно она все это время была его целью. Он должен любой ценой достигнуть её прежде, чем она взлетит.

Но сказывается промедление — преследователи нагнали его и теперь медленно берут в кольцо. Теперь он наконец-то может увидеть их — это люди в черной, плотно прилегающей одежде. Они безоружны, но ощущение угрозы от их присутствия просто зашкаливает. Руки

внезапно тяжелеют — теперь в них зажаты ножи. Но Андрей швыряет их на песок — таких как эти они не напугают, а пускать их в ход против живых людей он не готов. Он кидается сначала в одну сторону, затем в другую, и ему почти удается вырваться из окружения этим обманным маневром, но его хватают за ногу, а затем прижимают к земле.

Ракета начинает взлетать, оставляя за собой облака дыма и пыли, но сквозь ужасный гул он с удивлением слышит свой голос, кричащий, что теперь они обречены. Но вот ракета врывается в небесный свод, и его пересекает алая трещина. А затем все небо раскалывается и из разлома начинает литься огненный дождь. Люди, державшие его кричат от ужаса и боли — и он кричит вместе с ними: в отличие от большинства последних кошмаров, на этот раз он сгорает вместе со всем миром.

Осознание того, что все это лишь сон приходит также неожиданно, как перемещение сквозь дверь или появление ножей в руках. Ему кажется, что еще мгновение, и он проснется, вырвется из власти кошмара, но вместо этого он поднимается из пепла. Теперь он ярко-красная птица, парящая на разбитом мире. Земля под ним начинает вытягиваться, превращаясь в узкую полоску металла — нож, летящий в темноту, навстречу двум светящимся глазам.

Он уже готов услышать каркающий хрип кошмарной детской игрушки, но вместо него раздается голос старейшины: “Просыпайся, пришло время перевернуть этот мир”. Андрей открыл глаза и увидел сонного Артура, мрачно выглядывавшего с нижней полки.

— Прости, я тебя разбудил? Сколько сейчас времени?

— Еще два часа до подъема. Дергаешься так, что вся кровать ходуном ходит, так и весь мир перевернуть можно. Спи давай.

Андрей попытался закрыть глаза, но сон уже не шел. Поэтому он спрыгнул с двухъярусной кровати, которую они делили с Артуром, и на цыпочках покинул мужское крыло спальни. После тепла кровати в коридорах было зябко — ночью седьмой купол слабее отапливался, в целях экономии энергии. Встряхнувшись, Андрей отправился в зал для медитации — посмотреть, получится ли у него снова вызвать состояние, нахлынувшее на него вчера.

Видения не появились. Впрочем время, проведенное наедине с самим собой, прочистило его голову от остатков суматохи из сна. Привычная беседа за завтраком на этот раз не завязалась. Мина в принципе не была активным собеседником, а Артур, обычно отдувавшийся за двоих, сегодня был мрачным и молчаливым. Не выспался, наверное. Зато Марсель, как и вчера, был полон энтузиазма. Когда Андрей нашел его после завтрака, тот усиленно молотил грушу.

— Марсель? Я смотрю ты сразу грузишь себя по максимуму.

— О, головастик. Это еще не максимум, поверь мне.

— Все равно, сразу после еды я бы не стал такого делать.

— А, точно, еда. Я стараюсь не особо питаться по утрам. Готов к нашей прогулке?

— Да, показывай дорогу.

Большую часть времени члены братства проводили на третьем этаже, где располагалась система очистки воздуха, и более верхних этажах, почти не использовавшихся по изначальному предназначению. Систему очистки Андрей в свое время изучил еще в шестом куполе: воздух последовательно прокачивался через ряд молекулярных фильтров, которые сначала удаляли из него водяные пары, а затем углекислый газ, метан и другие продукты жизнедеятельности человека. Напоследок воздух насыщался самой важной для дыхания компонентой: кислородом, получаемым гидролизом очищенной морской воды.

Марсель не стал задерживаться и бодро отправился к лестнице, ведущей на два более нижних этажа. К удивлению Андрея, проход вниз на первом этаже не заканчивался. В металле зияла черная дыра, в которую уходила импровизированная лестница из сваренных металлических балок. “Думаю, ты знаешь, что наш купол, в отличие ото всех остальных, буквально лежит на дне. Вот и возникла некоторое время назад идея зарыться вниз, в каменную породу. Кто-то даже продумал как проложить системы коммуникаций, но впоследствии оказалось, что нам элементарно не хватает рабочих рук для этого проекта, пришлось забросить” — ответил Марсель на немой вопрос.

Несмотря на разность в конструкциях, порядок технических этажей здесь был тот же самый — первый был занят трансформаторами, которые питали энергией все жизненно важные системы купола. На втором располагались водозаборники и система дистилляции морской воды. Очищенная вода уходила на гидролиз, а также на пищевые и гигиенические нужды, а просто морская направлялась в ионные котлы отопления.

Энтузиазм от экскурсии быстро сошел на нет. Как и в других куполах, нижние этажи были пыльными, шумными и практически безлюдными. Редкие технические бригады в большей мере наблюдали за совершаемой механизмами работой, да изредка заменяли выходящие из строя детали. Марсель минимально комментировал происходящее, но было понятно, что и он не особенно разбирается в устройстве автоматов вокруг.

Обход второго этажа подошел к завершению, и Андрей совсем погрузился в себя. Мысли были не очень веселые. Он ожидал, что здесь к техническому снабжению подходят более ответственно, и он наконец-то сможет в полной мере применить свои знания. Но, похоже, со старым миром умерла и тяга людей к познанию. Есть ли у тех, кто остался хоть какая-то надежда? Что будет, когда остатки ресурсов, падающих из космоса, иссякнут, потому что некому будет чинить добывающие их станции? Что произойдет, если системы

жизнеобеспечения куполов откажут?

В последнее время постоянные тренировки и медитации отвлекали Андрея от этих мыслей, но сейчас они вернулись и захлестнули его сознание с новой силой. А вместе с ними вновь появилось иррациональное желание увидеть восход солнца. А вдруг все это ложь? Вдруг никакой катастрофы не было, и все это лишь какая-то глупая шутка?

Краем глаза Андрей заметил худую фигуру в черной кофте с капюшоном на голове, вынырнувшую из бокового прохода. “Что же у них тут за мода такая капюшоны носить?” — пронеслось у него в голове. Он собирался идти дальше, но Марсель резко остановился и окликнул торопившегося мимо человека: “Сэм!”

Фигура остановилась и неуверенно повернулась к ним. Андрей почему-то ожидал увидеть угрюмое юношеское лицо. Но вместо этого из-под капюшона показались два голубых как лед глаза. Марсель снова подал голос:

— Саманта! Давно тебя не видел.

— Привет, пап. И правда давно. Кто это с тобой?

— Это Андрей, тоже головастик, как и ты. Старейшина отправил меня показать ему технические этажи.

— Приятно знать, что хоть кого-то он удостоивает своей аудиенции — в ее голосе прозвучали нотки раздражения — но я правда занята, еще увидимся.

— Постой! Мы с ним почти закончили, покажи ему напоследок свою работу. Пожалуйста! А я пойду, чтобы вам не мешать.

Андрей хотел было возразить, после такой экскурсии у него абсолютно не было желания идти следом за раздраженной девушкой, но Марсель уже развернулся и двинулся в сторону лестницы, явно не намереваясь слушать протесты от кого-либо из них двоих. Саманта устало вздохнула и махнула ему рукой, призывая следовать за ней.

Комната, где он оказался, не отличалась простором и в лучшие свои годы. А сейчас она была завалена огромным количеством вещей. Впрочем, свалкой ее назвать было нельзя: во всем наблюдалась определенная логика. Вдоль правой стены были расставлены высокие стопки книг, отсортированные по алфавиту, на левой висела доска с магнитами и маркерами, а к дальней был прижат большой письменный стол, заваленный огромными пачками листов. По центру стояло несколько тумбочек, на которых был сооружен импровизированный верстак с тисками, болгаркой, паяльником и другими инструментами.

Андрей подошел поближе к доске и стал изучать записи. Большую ее часть занимало решение дифференциального уравнения в частных производных. Точнее попытка решения, выкладки не были доведены до ответа. Когда-то давно он потратил немало времени решая подобные примеры, но сейчас в его памяти остались лишь смешанные эмоции, вызванные интересным, но неоправданно большим и монотонным заданием.

Саманта подошла к столу и скинула с себя толстовку и склонилась над столом. В глаза Андрею тут же бросилась светло-золотая коса, достававшая почти до пояса. Переложив пару бумажек, она выпрямилась и повернулась к нему лицом. Андрей с удивлением отметил ее высоту — девушка была примерно одного с ним роста. Большие голубые глаза смотрели прямо на него. От них отдавало холодом, но в то же время в них читалось затаённое любопытство. Остальное ее лицо было светлым, в нем совершенно не угадывались восточные черты, Андрей скорее сказал бы что у неё была славянская внешность.

— Ты совсем не похожа на Марсея.

— Он... вырастил меня, но он не мой настоящий отец. И я не хотела бы больше об этом

говорить.

— Прости, не хотел тебя задеть.

— Это ты тот новенький, инженер, с которым носится старейшина?

— Ну, не сказал бы что он со мной прямо носится. По правде говоря, я разговаривал с ним лишь несколько раз.

— По крайней мере с тобой он разговаривал, я не могу добиться аудиенции уже несколько лет. Ладно, не будем об этом. Зачем тебе технические этажи?

— Я хотел найти какую-нибудь работу, где я смог бы быть полезным. Но если честно, я несколько разочарован — здесь только занимаются поддержание работающих механизмов, вместо того чтобы...

— Строить новые.

— Да!

— Из какого ты купола? Хотела бы знать, где живут ещё люди с такими мыслями.

— Не сказал бы, что многие разделяли моё мнение. А чем ты занимаешься?

— Я пытаюсь оптимизировать расход ресурсов, направить их на создание чего-то нового. Ну а на досуге пытаюсь разбираться с физикой и математикой процессов.

Она махнула рукой в сторону доски, а затем отвернулась, и быстрыми движениями вытащила из стопки на столе несколько листов и протянула ему. На листах были аккуратные таблицы, заполненные названиями, количествами и временными интервалами. Некоторые строки были зачеркнуты.

— Что это?

— График доставки. Часть машин верхних людей работают до сих пор, поставляя 235-й уран, запчасти для электроники и металлы для ремонта технических конструкций.

— Подожди, ты сказала уран?! Но ведь в куполах нету атомных реакторов.

— А откуда, по-твоему, берётся энергия? Обслуживать солнечные батареи на поверхности было бы слишком опасно, а сжигание топлива требует кислорода. Но ты прав что внутри куполов реакторов нет, они вынесены за обшивку и охлаждаются напрямую морской водой.

— Ряд Фурье!

— Что, прости?

— Задача на доске, попробуй разложить функцию в ряд Фурье по тригонометрическому базису.

Около пятнадцати минут спустя, уравнение было решено. Когда Саманта повернулась к нему, в её глазах не осталось холода. Теперь там было восхищение наполовину с изумлением.

— Откуда ты это знаешь? У меня есть несколько коллег в других куполах, мы обмениваемся данными раз в неделю, но никто из них не был способен помочь мне в этом!

— Если я скажу, что научился этому на поверхности, ты мневеришь? Можешь рассказать подробнее о том, чем ты занимаешься? Думаю, я смогу помочь.

Глава 11: Миг

Нож медленно вращался, постепенно приближаясь к лицу Андрея. Время замедлилось, почти также, как в тот раз, когда он тонул в детстве. Ему тогда казалось, что он провел под водой десятки минут, размышляя о том, что вот-вот умрет. И лишь когда его достали, оказалось, что не прошло и тридцати секунд.

Но сейчас, глядя на окружающие его объекты, Андрей явно осознавал, что мыслит быстрее, чем обычно. Нож все также приближался. Мина все правильно рассчитала: если ничего не предпринять, он ударит рукояткой в лоб — не смертельно, но весьма неприятно. Только он не собирался позволить этому случиться. Эта мысль словно пронзила его током и в следующий миг время вернулось в свою привычную колею.

Он без особых усилий поймал плоскость ножа между своими ладонями, и, перехватив его одной рукой, метнул обратно. Бег через полосу препятствий продолжался. По большей части такие забеги состояли из преодоления конструкций, собранных из металлических балок. Часть из них Андрею приходилось перепрыгивать, под другими — проскальзывать. Однако Борс, который теперь занимался программой тренировок Андрея, постоянно менял маршрут и добавлял в него новые элементы. Вроде ножей, вылетающих в твою сторону на пике прыжка.

Перед глазами внезапно появился канат, и, прежде чем Андрей успел осознать происходящее, его пальцы обхватили металлический трос. Несмотря на боль, он стал быстро карабкаться вверх, перебирая одними руками. Лишь оказавшись на уровне горизонтальной балки, он подобрался, и, оттолкнувшись от каната руками и ногами одновременно, ухватился за неё. Выход силой на обе руки, и вот он уже прыгает с одной перекладины на другую в двух метрах над землёй.

Вновь летящий в его сторону нож уже не стал неожиданностью. Андрей даже не стал пытаться его поймать — он легко ушёл с траектории полёта и с лёгким кувырком через левое плечо приземлился на холодный пол. Борс молча наблюдал за окончанием забега. Андрей медленно приблизился, пытаясь уловить нотки одобрения или осуждения, но на хмуром, морщинистом лице учителя тяжело было прочесть какие-либо эмоции. Этот великан словно гора возвышался над остальными тренировавшимися в зале, а его седые волосы, завязанные в тугую косу, спадали практически до самого пояса.

— Ты не поймал второй нож.

— Не видел в этом смысла, от него было легко уклониться.

— Или же твоё внимание рассредоточилось на прыжки, которые ты совершал. Старайся выжимать из тренировок все что можешь, не останавливайся на достигнутом.

— Я пытаюсь. Но зачастую у меня возникает ощущение, что не я, а мое тело принимает решения. И осознаю я их уже задним числом. Хотя, когда в меня полетел нож, время будто замедлилось.

— Будь осторожен с такими ощущениями, в такие моменты может показаться, что ты способен двигаться и принимать решения быстрее обычного. Но это иллюзия. Просто часть твоего сознания, с которой ты привык себя ассоциировать, синхронизируется по скорости с той, что действительно принимает решения.

— Но если есть часть моего сознания, которая принимает решения, и она работает быстрее, чем мое самосознание, то как я вообще могу влиять на тренировки?

— Во время самого забега — никак. Но тут важны не только физические тренировки. Потому мы и медитируем часами, чтобы ощутить границы своего сознания и расширить их.

Морщины на лице Борса разгладились, и он улыбнулся. Андрея это поражало в нем больше всего — часами он мог абсолютно безучастно наблюдать, лишь комментируя происходящее, не проявляя никаких эмоций. Но в те моменты, когда его наставления вызвали сомнения и непонимание, от него почти буквально начинало исходить тепло, и на душе у собеседника становилось спокойно.

С медитациями у Андрея не шло. После того странного случая с видениями пару месяцев назад, он несколько раз пытался сесть в зале и расслабиться, или напротив спровоцировать что-то подобное вновь, но ни то, ни другое ему не удавалось. Только холодный жесткий пол да боль в спине — вот все, что ассоциировалось у него теперь с попытками медитировать. Вместо этого, когда Борс отправлялся на медитацию, он шел к Саманте помогать ей с исследованиями.

Сегодня она была не в духе. Андрей сразу понял это по состоянию её волос — сегодня вместо аккуратной золотой косы они были стянуты в простой хвост, который Сэм нервно теребила в руках. Такое бывало, когда решение задачи все утро упорно не сходилось, или происходило что-то ещё более страшное.

Он осторожно заглянул через её плечо, ожидая увидеть математические уравнения, но вместо этого в глаза ему бросились генетические последовательности, испещрявшие половину доски наравне с гистограммами. Биология никогда не была сильной стороной Андрея. Он замер, не решаясь прервать её размышления, особенно учитывая, что подсказать что-либо в этой области он не мог.

Через пару минут она повернулась и, легко скользнув по нему взглядом, перешла к столу.

— Как тренировка?

— Очень классно! Когда в меня метнули нож, было ощущение что время практически остановилось... — тут Андрей обнаружил что Саманта уже не слушает его, а с головой погружена в бумаги, разбросанные по столу — а ты чем занимаешься?

— Собираю статистику.

— Статистику чего?

Она замерла. Только тонкие плечи слегка подергивались от напряжения. Такого Андрей не замечал раньше. Обычно, когда Сэм была расстроена, ему быстро удавалось развеселить её, а в редких случаях, когда не получалось — она просто уходила в свои размышления. Но сегодня, похоже, её раздражение было направлено на него, и она изо всех сил его сдерживала. Вот только что он такого сделал, Андрею было непонятно. Наконец, она заговорила:

— Как думаешь, зачем ты тренируешься?

— Ну... Чтобы держать себя в форме.

— Держать в форме? И что, когда в тебя метают нож это тоже "поддержание формы"? Десятки человек ежедневно тренируются, дерутся и практикуют обращение с холодным оружием для того, чтобы держать себя в форме?

— Послушай, я...

— Давай, посмотри мне в глаза и скажи, что не думал об этом. Скажи, что ты настолько глуп — а я знаю, что это далеко не так, что не заметил армии людей, готовых убивать, у себя под носом!

— Старейшина говорит, что они вмешиваются только в критических ситуациях...

— И кто решает, когда ситуация стала критической? Он? Кто дал ему такое право?

Почему один человек решает, кому жить, а кому нет?

— И ты думаешь я об этом не задумывался? Но разве ты сама не состоишь в братстве? И не ты ли говорила, что в остальных куполах с исследованиями все обстоит ещё хуже?

— Я состояла в братстве, когда была ребенком, да. Даже можно сказать верила в него. Но когда узнала про своих родителей... вспомнила то, что мое сознание пыталось спрятать почти всю мою жизнь, я... В общем, остаюсь здесь, это правда. Но это не значит, что я согласна с их методами. И я больше не тренируюсь. Не хочу быть орудием убийства в чьих-то руках.

— Про своих родителей? Расскажешь, что произошло? Если хочешь, конечно.

Последняя фраза прозвучала по-идиотски. Но Андрей никогда не понимал, как надо говорить, когда речь заходит о потерянных близких. Саманта наконец повернулась, её лицо было белым как снег, а глаза вновь превратились в две льдинки, как в тот раз, когда она увидела Марсея.

— Я смутно помню отца. Он был высоким, со светлыми короткими волосами. Когда он возвращался с работы, он часто поднимал меня на руки и подбрасывал. Как выглядела мама я не помню, помню только как она пела мне колыбельные. Не знаю кем они были. Но однажды старейшина счел их опасными для общества. И разобраться с ними он отправил Марсея. Когда... когда их не стало, Марсель обнаружил меня. Маленькую девочку, лежавшую в колыбельной. Не знаю, были это муки совести или холодный расчёт, но он взял меня с собой. И вырастил как свою дочь. А я... головой я всегда понимала, что что-то не так, но не хотела в это верить.

— Откуда же ты узнала?

— Он сам рассказал. Около года назад. С тех пор мы не общаемся.

— А что... что ты чувствуешь по отношению к нему?

— Ненависть? Презрение? Благодарность? Он вырастил меня как свою дочь, и он по-своему любит меня и заботится обо мне. И как бы меня это не бесило, он стал мне папой. Но я не могу больше смотреть на него и не задаваться вопросом, какой была бы моя жизнь, расти меня мои настоящие родители. А самое раздражающее то, что он даже не знает, за что убил моих родителей. Сначала я думала, что он просто не хочет говорить, но я слишком давно его знаю. Он и правда не интересовался этим тогда. Слепо делал то, что скажет Старейшина, и все.

— И ты так хотела встретиться со старейшиной, чтобы...

— Чтобы понять. Чтобы он, глядя в мои глаза сказал за что умерли мои родители. Но он так и не снизошел до встречи со мной ни до, ни после.

— Хочешь, чтобы я спросил его?

— Нет. Не желаю играть в испорченный телефон. Либо он сам мне скажет, либо... либо я никогда этого не узнаю. Может быть, так будет даже лучше.

В комнате повисла неловкая тишина. Андрея переполняла буря эмоций. Когда он узнал про убийство Модро, тот уже выглядел для него злодеем. Но, возможно, родители Сэм тоже не были ангелами. И вправду, может ли один человек принимать решение лишить кого-либо жизни? Да и не только один, можно ли в принципе принимать такое решение? Но постепенно гул спорящих голосов в голове утих и вместо них послышался тихий голос рассудительного и жестокого рассудка.

Мог ли он что-то сделать с убийством произошедшим более десятка лет назад? Нет. Была ли у него возможность уйти отсюда? Да, но это бы ничего не изменило. А здесь у него была возможность применять свои знания на пользу тому, что осталось от общества. Возможно, старейшина прав, возможно нет, но не поговорив с ним и не выяснив обстоятельства он никогда не смог бы принять объективного решения. А что касалось Саманты, её гнев был направлен не против него. Поэтому, тщательно подбирая слова, он медленно заговорил:

— Я не могу представить, через что ты сейчас проходишь. Могу лишь сказать, что я готов слушать тебя или просто быть рядом, если тебе это сделает легче.

— Я уже все сказала... но спасибо.

— А что касается тренировок, я буду продолжать на них ходить, по крайней мере пока не поговорю со Старейшиной.

— Делай что хочешь. Но если будешь говорить с ним, спроси его, чем он руководствовался, когда отбирал людей для куполов.

— Что? О чем ты?

Она неохотно подвинула в его сторону бумаги.

— Некоторое время назад, пытаясь разобраться, кем были мои настоящие родители, я стала анализировать все данные, имевшиеся о первых поселенцах куполов, отобранных с поверхности.

— И? При чем тут старейшина?

— Не перебивай. В процессе анализа я обнаружила дела не только одобренных, но вообще всех рассматривавшихся кандидатов, думаю ты понимаешь, что их было значительно больше, чем мест. Во всех делах прикреплены результаты их медицинских анализов, которые проводило около 12 различных компаний.

— Полагаю в условиях изоляции и фактически бутылочного горлышка для популяции людей в куполах они хотели минимизировать число наследственных болезней.

— Да, я тоже так подумала, но в том то и дело, что отобрали не самых здоровых. Зато явно прослеживается другая закономерность. Почти 95 % одобренных кандидатов проходили обследование в одной компании. Brotherhood corporation. Я нашла по ней не так много упоминаний в нашем архиве, но угадаешь как в задокументированных переписках обозначен их глава? Вот и скажи мне, что это случайность.

Саманта попросила оставить её одну. Андрей не особо сопротивлялся. После всего услышанного он пребывал в смятении. Родители Саманты, странный отбор людей. С одной стороны, ему ужасно хотелось пойти с этим к старейшине, с другой — возможно стоит сделать это на свежую голову, переварив всю полученную информацию.

Голова медленно закипала, и Андрей не сразу заметил, что коридор медленно погружался во тьму. Он остановился лишь осознав, что уже не видит на расстоянии вытянутой руки. Через несколько секунд весь коридор оказался затянут странной чёрной дымкой. Знакомый хриплый голос вновь пробрал Андрея до мурашек.

— Похоже, страсти накаляются?

— Прочь!

— Не понял.

— Я сказал, убирайся прочь! Оставь меня в покое!

Андрей дрожал, но уже не от страха. Все эмоции, накопившиеся за сегодня, выплеснулись в одной волне гнева и в ярости он попытался ударами рук разогнать туман. Кто-то резко схватил его руку в полете и болезненно вывернул ее. Туман моментально отступил, оставив после себя лишь стучавшие в ушах отголоски каркающего смеха. Внезапно Андрей осознал, что сидит, прислонившись спиной к стене коридора, а над ним в напряженной позе застыл старейшина, удерживающий его руку в болевом захвате.

— Объяснишь, почему ты кричишь в пустоту и размахиваешь руками?

— Кажется, из нас двоих у вас куда больше секретов, требующих объяснения.

Старейшина в удивлении отпустил его руку, и Андрей попытался встать, но голова тут же закружилась, и он снова провалился во тьму.

Пробуждение было болезненным. С трудом продрав глаза, Андрей обнаружил, что валяется на раскладушке в кабинете старейшины. Последний сидел за своим деревянным столом и внимательно изучал что-то, лежавшее на поверхности. Но стоило Андрею пошевелиться, старик моментально повернулся и уставился на него немигающим взглядом.

— Как самочувствие?

— Уже лучше, спасибо.

— Врешь. Было бы лучше, ты бы уже вскочил, а не валялся пластом.

— Почему я здесь? С каких пор этот кабинет стал лазаретом?

— Вопросы сейчас задаю я. Давно у тебя подобные приступы?

— Первый произошел во время посещения первого купола. С тех пор что-то подобное происходило буквально пару раз, я думал это от усталости. Вы знаете, что со мной?

— Если бы знал, я не задавал бы подобных вопросов. Время, как всегда, работает против нас.

Последнее продолжение старейшина пробормотал себе под нос, и, отвернувшись, вновь принялся изучать поверхность стола. Как обычно, Андрей не особенно понял его слова. Забавным было то, что любой другой человек, попробуй он вести себя как старейшина, не отвечая на половину задаваемых вопросов, а на вторую давая ответы столь размытые, что лучше бы их и не было вовсе, Андрей наверняка бы разозлился не на шутку. Однако раздражаться на этого старика он почему-то не мог. Не дольше чем на несколько секунд. Собравшись с силами, он приподнялся на локте и задал мучавший его вопрос, что заставило

старейшины вздрогнуть и повернуться:

— Как вы отбирали людей для куполов?

— Полагаю, Саманта нашла личные дела кандидатов? — не дождавшись ответа, он продолжил — видишь ли, в начале катастрофы радиационный фон рос очень медленно, большинство из нас и не замечали изменений. Однако человеческие тела отреагировали.

— Мутации?

— Именно. Конечно, большинство из них оказались вредными, увеличилось количество страдающих от опухолей и других болезней. Однако среди прочего разнообразия проявился и ряд мутаций, делавших клетки более устойчивыми к воздействию ионизирующих излучений.

— И вы стали отбирать людей, обладавших такой особенностью.

— Именно. Мы сочли что изо всех они обладали наибольшей вероятностью выжить и оставить после себя здоровое потомство.

— Но почему тесты на подобные мутации сделала только компания, принадлежавшая вам?

— Время. Его катастрофически не хватало. К моменту, когда мы обнаружили эти эффекты, мы не успевали устроить тестирование тех, кто проходил обследования в других местах. Мне удалось убедить власти, участвовавшие в проекте куполов, что отбирать стоит только наиболее приспособленных. Конечно, они хотели забить место ещё и для себя. Мне удалось... скажем так, минимизировать их количество, отчасти силовыми методами.

Глаза старейшины, до этого горевшие огнём, потяжелели и будто превратились в свинцовые. Андрей почувствовал, что ему стало не по себе продолжать этот разговор. Похоже, у старейшины ещё до катастрофы было значительно больше власти, чем он показывает. Андрей облизал пересохшие губы и попытался перевести тему:

— Люди, которых не пустили в купола вряд ли были довольны... Наверное это был ад?

— Ад? Нет. Видишь ли, я был одним из немногих, кто предвидел катастрофу. Кричал на каждом углу, что мы не готовы осваивать космос и нам сначала стоит разобраться с проблемами здесь, на земле. Но никто меня не слышал. Видеть надвигающийся шторм и не иметь возможности что-либо сделать — это ад. А когда стало понятно, что катаклизм неизбежен, я успокоился. Смирился. Да, это было тяжелое время, жестокое. Но я делал все что мог, чтобы защитить человечество. И делаю до сих пор.

Человек, стоявший сейчас перед ним не был похож на того, кто встретил его здесь, в братстве месяцы назад. Этот старейшина был сделан из стали, а пламя внутри него не горело веселыми огоньками, оно полыхало пожаром и было готово поглотить в себе все и вся. Меньше всего Андрею хотелось сейчас находиться рядом с ним. В повисшей тишине скрип кровати прозвучал особенно отчетливо — он наконец-то собрался с силами и медленно сел на раскладушке. Старейшина заговорил, выделяя интонацией каждое слово:

— Завтра ты отправишься в третий купол. Артур и Мина введут тебя в курс дела.

— Что? Но мне едва стало лучше...

— Ты сам сказал, что это происходит раз в несколько месяцев, разве нет? Значит сейчас самое подходящее время.

— Но Саманта...

— Обойдется без твоей помощи пару недель, как обходилась предыдущие годы. Не заставляй тебя уговаривать, ты и сам сейчас не особенно хочешь здесь находиться.

Это было правдой. Андрей и сам не знал, почему он сопротивлялся. Конечно, ему не

хотелось расставаться с Самантой, но, учитывая их последний разговор, он понимал, что так будет лучше. Он встал с кровати, и, убедившись, что уверенно стоит на ногах, двинулся в сторону двери. Уже в дверях он услышал последние слова старейшины:

— Знаю, ты меня осуждаешь за все что я сделал. Но поверь, тебе предстоит принять не менее сложные решения. И я надеюсь, что после этого ты сможешь смотреть в зеркало без ненависти.

Андрей не ответил.

Глава 13: Край

Технический лаз едва слышно гудел. Андрей, максимально расслабившись, лежал на спине в темном туннеле и фокусировался на своём дыхании. Полгода назад он был готов отдать что угодно, чтобы вырваться с работы инженера, а сейчас это монотонное занятие даже доставляло ему удовольствие. Возможно, дело было ещё и в том, что в этот раз он был на "миссии", и вся рутина имела под собой некоторый, хоть и неизвестный ему, важный смысл.

После конфликтов с Сэм и разборок со старейшиной ему не очень хотелось взаимодействовать с людьми. Вот и сейчас, справившись со своими задачами, он не возвращался в комнату бригады, а ждал сигнала на обед прямо в вентиляции.

Мысль о Саманте промелькнула в мозгу как летящий нож — резко и прорезая все на своем пути. Отбытие в третий купол произошло слишком быстро чтобы пойти попрощаться. Нет. Это отмазки. На самом деле он просто не знал, как сказать, что уезжает, а она и так была в не самом благодушном настроении. Письма он тоже не оставил — по той же причине.

Будут ли они снова общаться как раньше, или теперь это навсегда останется между ними — он не знал. Да и бесполезно было сейчас об этом думать. Внезапно Андрей осознал, что потерял концентрацию, и не только перестал следить за дыханием, но и непроизвольно напряг мышцы. Вздохнув, он решил, что в таком случае пора постепенно двигаться к точке выдачи еды — все равно до обеда оставалось недолго.

Вылезать из вентиляции в коридор было некомфортно — глаза, уже адаптировавшиеся к темноте заслезились от яркого света. Хотя общая структура всех куполов была примерно одинаковой, каждый по-своему обладал какими-то своими особенностями. Третий купол, в частности, отличался особенно ярким освещением. Видимо, позднее на этой части стали экономить.

Спустя несколько секунд, когда зрение восстановилось, Андрей сориентировался и медленно побрел к местной столовой. Как выяснилось, она уже кишела людьми. Прозвучал звуковой сигнал, и все они стали выстраиваться в длинную очередь. Андрей хотел было пройти в её конец, но из ниоткуда вынырнул Артур, и ухватив Андрея за рукав, втянул в середину очереди рядом с собой.

Обменявшись легкими кивками, они приготовили пищевые талоны и стали ждать своей очереди. Артур был напряжен, но спрашивать его о причинах в очереди было не лучшей идеей. Вообще спрашивать его было не лучшей идеей, Андрей знал, что, если это важно, Артур сам все расскажет, когда сочтет время и место подходящими.

Очередь наконец дошла до них, и, получив по порции отвратительно пахнущей еды, они устремились подальше от галдящей толпы. Никто и не обратил на них внимания. Вскоре голоса скрылись далеко за поворотами, но Артур продолжал вести его сквозь мрачный лабиринт коридоров. Остановились они лишь достигнув края купола. Внутренний край обшивки не впечатлял — всего лишь еще одна стена, особенность которой выдавала лишь слегка закругленная форма. Андрей знал, что внутренняя обшивка отделялась от внешней узкой прослойкой, которую откачивали до вакуума, как в старом мире делали с хорошими термосами. Артур остановился и прислонился спиной к стене. Убедившись, что в зоне видимости никого нет, он заговорил:

— Какие у тебя впечатления от этого купола?

— Серьезно? Две недели мы шифруемся, внедряемся в ряды местных инженеров, а потом ты не просто ловишь меня в очереди, мы уходим на глазах у всех. И ради чего? Чтобы поговорить в коридоре?

— Концепция поменялась. Нам придется действовать быстрее, чем мы ожидали.

— И чего же вы ожидали? Потому что с самого начала этой дурацкой миссии я не знаю о ней практически ничего.

— Ответ на мои вопросы, а потом я отвечу на твои. Какие. У тебя. Впечатления?

Артур вполне слышно заскрежетал зубами и Андрею стало не по себе. Похоже, к ответу на вопрос нужно было подойти серьезно, но это было бы намного проще, не будь он таким размытым.

— Ну, самое бросающееся в глаза, здесь светлее чем в других куполах, где я бывал.

— Что скажешь о еде?

— О еде? Да... ничего. Не заметил ничего особенного, та же дрянь, что и везде.

— Хорошо. Еще что-нибудь особенное, непривычное?

— Вроде нет. Хотя постой. Пару раз я просыпался ночью, словно от какого-то толчка.

— Принято. Толчки я тоже почувствовал, но не был уверен. Итак, ты хотел узнать, что здесь происходит? Все началось с того, что наши наблюдатели в этом куполе заметили изменение качества еды.

— Постой, кроме нас в этом куполе ещё кто-то есть из братства?

— Не делай такое удивленное лицо, у нас есть глаза и уши в каждом куполе. Так вот, параллельно с изменением качества еды обнаружили определённые перебои в ряде доставок извне. В частности, пропал ряд медикаментов и запасы алюминия. Старейшина решил, что здесь что-то назревает и послал нас проверить.

— Так мы здесь потому, что кому-то особенно не понравился вкус его обеда, а параллельно распределяющий ресурсы тайком забрал себе пару лекарств?

— Ещё и потому что кто-то решил включить здесь полную иллюминацию, которая не работала со времен открытия третьего купола.

— Так здесь так было не всегда?

— Нет. Все эти две недели я пытался выйти на следы тех, кто восстанавливал систему освещения. Кстати, Мина тем временем внедрилась в работу на ферме и искала причины изменения вкуса еды.

— То есть вы обо всем знали и занимались расследованием, пока я думал, что мы внедряемся в коллектив? Объяснишь, почему я узнаю об этом только сейчас?

— Таковы были указы старейшины. Дать тебе побыть одному и задействовать тебя только в экстренной ситуации. Хочешь высказывать претензии — выскажи их ему лично, как вернёшься. А сейчас — ты готов слушать дальше?

— Да, готов. Что за ситуация произошла?

— Я... обнаружил кое-что подозрительное. Людей, работающих в доках в ночные часы. Они грузили субмарины чем-то, вынесенным из ферм.

— Контрабанда еды? Вряд ли совпадение, что её вкус поменялся, хоть я этого и не чувствую...

— Я тоже так подумал. Сначала.

Артур подошел к обшивке и приложил ухо. Затем он махнул рукой Андрею, жестом приглашая присоединиться к нему. Шершавая поверхность металла была холодной.

Несмотря на теплоизоляцию, холод океанской глубины давал о себе знать. Некоторое время Андрей стоял прислонившись, и уже было собрался он оторваться и спросить Артура, что он должен услышать, как как ощутил едва уловимый писк, распространявшийся по оболочке купола. Спустя несколько секунд он повторился. И снова, и снова. Ритмичные сигналы раздражали мозг, будто кто-то водил по нему кончиком иглы. Наконец, Артур заговорил:

— После каждой их вылазки, писк становится чаще.

— Думаешь, они крепят какие-то устройства к обшивке?

— Я уверен.

— Но...зачем?

— Если бы я знал, мы бы здесь не стояли.

Андрей снова прислушался к писку. Звук все-таки не был абсолютно ритмичным, каждые несколько секунд пауза между сигналами увеличивалась, а затем сокращалась обратно. Зачем кому-то было настраивать эти приборы на такой сигнал ему было абсолютно непонятно. Но если он прав, то:

— Они ещё не закончили. Есть промежутки между сигналами, наверняка их должно что-то заполнять. Так что у нас ещё есть немного времени.

— Нет, его нет. Я не закончил рассказывать про происшествие. Я был недостаточно осторожен. Кто бы они не были, они меня заметили и напали.

— Полагаю, ты выжил?

— Не остри. Я вырубил тех двоих что бросились на меня с ножами и ушёл техническими туннелями, но... Они видели моё лицо.

— То есть ты подозреваешь, что тебя раскрыли, и не придумал ничего лучше, чем встретиться со мной?

— У этих ребят есть доступ к поставкам извне. Они разваливают в доках с холодным оружием, как у себя дома. Если я прав, у них есть и доступ к системе безопасности купола.

— Разве старейшина не умеет её обманывать?

— Вряд ли его заплатки сработают при внимательной проверке. Если мы хотим выяснить что здесь происходит, а главное почему — надо действовать быстро.

— Что ты предлагаешь?

— Пора наведаться к Мине на ферму. Все началось оттуда, и, если ты прав, и они все ещё продолжают работу над этими устройствами, на ферме должны были остаться улики.

Фермы располагались на верхних этажах. Артур счел, что подниматься по обычной лестнице было бы не самой лучшей идеей, и теперь они медленно карабкались по узкой вертикальной шахте, цепляясь за периодически торчащие из стены металлические штыри арматуры. Прутья были холодными на ощупь, а руки так и норовили соскользнуть со скользкого металла. Помимо этого, шахта была весьма тесной, и, хотя за время пребывания в куполах Андрей справился со своими приступами клаустрофобии, обстановка давила на психику. Андрей осторожно глянул вниз, в темноту. Свет фонаря, висевший на поясе карабкающегося сверху Артура, заставлял причудливые тени плясать на стенах вертикального коридора. Он медленно вдохнул и выдохнул, убеждая себя, что сорвись он сейчас, его физической подготовки хватило бы, чтобы снова ухватиться за лестницу. Правда уверенности в этом у него не было. Артур уже достаточно далеко продвинулся вверх, и Андрею пришлось продолжить подъем с ускорением, чтобы сократить дистанцию.

Подъем, впрочем, был почти окончен: не особенно напрягаясь, Артур зацепился за одно из редких горизонтальных ответвлений шахты и подтянулся в него полностью. Андрей

моментально очутился в полумраке. Поравнявшись с ответвлением, он зацепился за него одной рукой, и убедился, что эта позиция устойчива, перед тем как переносить вес дальше. Внезапно он услышал легкий свист, а затем сверху на него упало нечто мохнатое. Будучи застигнутым врасплох, Андрей в ужасе отдернулся от лестницы, едва не сорвавшись, и закричал. Объект, упавший на него, соскользнул вниз и растворился во тьме. Но перед этим Андрей успел различить до боли знакомые очертания. Очертания маленького плюшевого медведя.

Дышать резко стало тяжело. Грудь сдавило, и сердце отозвалось ноющей болью. Вдох-выдох. Прочь из моей головы. Это всего лишь иллюзия. Давление слегка отступило, и словно сквозь шум воды, Андрей услышал голос Артура:

— Эй, что с тобой?

— Я... — тут Андрей увидел, что Артур крепко держит его за предплечье руки, которой он раньше держался за проход, в то время как вторая его рука сжала металлическую перекладину так сильно, что побелела от напряжения — ты видел плюшевого медведя?

— Чего?

— Плюшевый медведь, упал на меня сверху. Наверное показалось.

— Ты уже больше минуты раскачиваешься из стороны в сторону и бормочешь что-то себе под нос. Хочешь сказать, причина этому — какая-то игрушка?! Да ты чуть не сорвался вниз!

— Прости. Не знаю, что на меня нашло, наверное, это от замкнутого пространства и духоты. Давай двигаться дальше.

Он собрался с силами, и с помощью Артура влез в горизонтальный лаз. По лицу последнего было понятно, что этот разговор не окончен, но сейчас у них было дело, которое нужно закончить.

Глава 14: Выпадение

Несколько поворотов, и они выбрались из лаза в безлюдный коридор. Впрочем, безлюдным он был лишь на первый взгляд, заметив их, из тени беззвучно выскользнула Мина. Здесь она снова ходила в капюшоне, но ее плавная, хищная походка выдавала ее. Она посмотрела на Андрея, и озабоченно наклонив голову, уставилась в глаза Артуру. Он, как всегда, понял ее без слов: “Ему стало нехорошо в шахте. Обсудим позже. Ты сможешь провести нас через гидропонику к хранилищам удобрений?” Она молча кивнула и быстро двинулась внутрь коридора.

Андрей с удивлением отметил, что здесь, на уровне ферм, освещение в коридорах было таким же тусклым, как обычно бывает в остальных куполах. На уровне ферм он, впрочем, никогда особо не бывал — просто так сюда не пускали, а желания проходить отбор чтобы копаться в грибах и растениях, от запаха которых его тошнило, совершенно не хотелось.

Двигайся они по обычной лестнице, их остановили бы на проходной. По-хорошему, кому-нибудь стоило бы перекрыть ту шахту, по которой они сейчас лезли, но большинство обитателей куполов и не догадывались о существовании технических проходов за большинством стен, а потому для опытного человека местные ограничения на перемещения были пустяком. Чего не скажешь об охранной системе, которая хоть и не распространяется на технические проходы, но зато фиксирует положение всех людей в основных коридорах. И если Артур прав, и те, кто крепят эти странные устройства к обшивке, действительно уже вычислили их, скоро за ними придут. А значит надо торопиться. Поэтому, миновав проходную, они вышли в общий коридор — так быстрее.

Из-за поворота послышались голоса, и Мина ускорила шаг навстречу. Артур с Андреем не сговариваясь натянули капюшоны и продолжили неспешно идти, прижимаясь к правому краю коридора — подальше от источников звуков. Их было двое, один — ничем не примечательный парень с коротким ежиком темных волос, а вот его собеседник был настоящим рыжеволосым великаном, нависавшим над ним не меньше чем на две головы. Краем уха Андрей уловил обрывок из оживленного разговора — похоже, речь шла о еде. Впрочем, завидев Мину они моментально прервали невероятно интересную беседу и, приблизившись, стали пытаться разобрать ее жесты.

Андрей заставил себя перестать пялиться на великана и, для спокойствия повторяя себе что он невидимка, попытался пройти мимо. Когда он уже поверил, что у него получилось, на плечо опустилась тяжелая рука великана, с силой развернувшая его на 180 градусов. Андрей ожидал увидеть злость, но вместо этого увидел добродушное удивление, появившееся на лице гиганта. “Ты куда это, парень? Сейчас должен быть общий сбор. Постой, что-то я тебя не припоминаю...”

Прежде чем Андрей успел сформулировать хоть какой-то ответ, из-за его плеча вышел Артур и быстрым движением ударил кончиками пальцев правой руки рыжему в горло. Дитина согнулся вдвое, издав лишь легкий звук удивления, а в следующий момент Артур снова ударил его, на этот раз коленкой в лоб. Гигант повалился на спину и затих. Позади него стояла мина, зажав в захват левой руки горло темноволосого парня. Выждав несколько секунд после того, как он перестал дергаться, она ослабила руку, и придушенный парень медленно сполз на пол.

— Что за фигня?! — услышал Андрей свой собственный голос.

— Не время возмущаться, разговоры заняли бы дольше, а мы и так потеряли много времени.

— Но когда их найдут, или когда они очнутся...

— Поверь, очнутся они не скоро. Другие сотрудники их не найдут, все давно пошли на собрание, здесь они каждый день проводятся после обеда. Двигаем дальше, иначе все это не имело смысла.

Андрея колотило. За время, проведенное с братством, он привык к поединкам, но это — это было совсем другим. Эти люди не были готовы к бою, а ведь надави Артур или Мина чуть сильнее — и ребята могли бы умереть. Невольно Андрей отметил, что Сэм была права — чтобы Старейшина не говорил о тренировках, они были не только для того, чтобы поддерживать людей в форме. Их учили драться. Их учили сражаться на мечах, ножах и луках. И сейчас на его бедрах были закреплены два ножа. Не учебных, а боевых, заточенных до блеска.

Когда ему выдали их перед отправлением, он радовался — настоящие метательные ножи, но сейчас он задумался о перспективе их применить — и ужаснулся. Дальнейший путь до гидропоники они провели в молчании.

Гидропоника представляла из себя длинные ряды растений, растущие из небольших кубиков мягкого, пористого материала. Эти кубики снизу касались стремительного потока очищенной от солей, а затем насыщенной питательными веществами воды. Из чего получали этот пористый материал, Андрей так и не разобрался, но он обеспечивал корням защиту от механических воздействий и, как губка, набирал в себя постоянно перемешивающуюся и насыщающуюся кислородом воду.

Впрочем, разглядел все этой Андрей не сразу: внутри помещения было невероятно светло из-за огромного количества ярких ламп, освещавших зеленые ряды. Наконец, его глаза адаптировались, и он последовал за братом и сестрой, успевшими уйти вперед между рядами. Периодически, ряды растений прерывались насосами, поддерживавшими течение воды. Геометрически, ферма представляла собой кольцо, заполненное радиально идущими рядами растений. Сейчас Андрей двигался параллельно этим рядам, к центру купола, где за стеной располагался котел с удобрениями, запитывавший и эту ферму, и аналогичные ей этажами выше.

Несмотря на отвратительный запах, здесь было не так уж и плохо. На секунду Андрею даже показалось, что он идет по зеленому полю под ярким полуденным солнцем. Но наваждение быстро отступило: какими мощными ни были местные лампы, им не сравниться с настоящим солнцем. Особенно с ярко-алым диском, медленно поднимающимся из-за горизонта и окрашивающим темное небо в нежно-лазурный цвет. Чувство ностальгии стало слишком сильным, и Андрей усилием воли заставил себя вернуться в реальность.

Артур и Мина уже почти достигли дальней стены и ему пришлось ускориться. Но даже перейдя на лёгкий бег, он продолжал осматриваться. Ряды зеленых растений не были похожи ни на одно из тех, что он знал. Было ли это результатом 30 лет жизни под куполом? Вряд-ли, скорее их специально выводили для этой роли. Как бы то ни было, ни вкусом, ни приятным запахом они не отличались.

Запах. Андрей остановился и принюхался. Поверх тошнотворной вони местной зелени он ощутил смутно знакомый аромат. Так пахнет смесь химических растворителей, попавших на одежду, это он знал по собственному опыту.

Артур и Мина скрылись за дверью, ведущей в машинное отделение гидропоники и

перед Андреем встал выбор. Голос разума твердил, что здесь опасно, а него миссия, и он должен последовать за этими двумя. Но был и другой голос. Было ли это ностальгией по работе до его перемещения в купола, несогласием с методами братства или просто любопытством? Наверное, всего по чуть-чуть. И этот голос твердил что он должен узнать, откуда здесь этот запах. Андрей глубоко вдохнул, взял волю в кулак, и... послал к черту все братство, включая старейшину. Его даже особенно.

Он легко перемахнул через пару рядов и наткнулся на замаскированный технический люк. Запах усилился, и уже не раздумывая, Андрей полез внутрь. В пространстве между этажами, куда он попал, было тесно, темно и пыльно. Он едва удержался от приступа кашля. Ориентироваться по запаху теперь было невозможно, дышать приходилось через одежду. Легкие вибрации прокатились по грязному металлу, подсказывая, что он на правильном пути, и он медленно пополз в предположительном направлении их источника.

Через несколько минут он достиг решетки, сквозь щели которой можно было рассмотреть комнату внизу. А смотреть было на что: там расположилась импровизированная химическая лаборатория, с вытяжкой и рефракционной колонной. Высокий человек со светлыми волосами возился с чем-то, но за его спиной трудно было разглядеть, с чем именно. Андрей невольно поймал себя на мысли, что халат весь усеян разноцветными пятнами и явно нуждается в стирке. Отбросив эти мысли, он стал внимательно следить за фигурой.

Некоторое время картина была неизменной, а затем человек внизу перенес какую-то коробку подальше от вытяжки, и, отступив, вытащил из кармана халата небольшой пульт и нажал на кнопку. Прогремел небольшой взрыв, вновь отдавшийся вибрацией по несущим конструкциям купола.

Лаборант вновь повернулся к Андрею спиной и стал заносить в блокнот пометки. Осознание медленно стало приходить к Андрею. Устройства, которые неизвестные помещали снаружи купола, были синтезированной взрывчаткой. Он вспомнил нестройный хор пищавших сигналов и ему стало нехорошо. Однако у него до сих пор не было ответа на главный вопрос — зачем?

Колебание было недолгим: всего лишь пара-тройка метров отделяла его от человека, который знал ответы на все интересующие его вопросы. И он был намерен их получить. Решетка не была предназначена для съема, однако тонкий металл легко поддавался давлению. Андрей уперся спиной в перекрытия над ним, и, слегка поднапрягшись, выдавил отверстие в перекрытии снизу.

Приземление было мягким, хоть и сопровождалось жутким грохотом: выломанная решетка заскрежетала об металлический пол. Фигура обернулась, и Андрей разглядел бледное лицо, скорее удивленное, чем напуганное.

— Ты не из наших — спустя пару мгновений констатировал юноша.

— Заткнись. И не дергайся, если хочешь жить — сказал Андрей и с удивлением обнаружил, что его тело приняло боевую позу, а в каждой руке зажато по метательному ножу.

Юноша, однако, не проявил никакого интереса к ножам, и вообще не выглядел отдающим себе отчет в происходящем. Он облизнул тонкие губы и произнес:

— Ты блуждаешь во тьме, брат. Но не бойся, скоро я закончу свою работу, и мы тебя освободим. И тебя, и этот купол, и все остальные.

— Освободите? От чего?

— От оков океана. Скоро мы все поднимемся на поверхность.

— Что ты несешь? На поверхности — смерть!

— Мне надо работать — юноша нахмурился и снова облизнул губы — да, надо продолжать работу.

— Стой на месте, я сказал!

Но юноша никак не среагировал на выкрик и повернулся к Андрею спиной. Один из ножей просвистел над его головой и вонзился в деревянную панель вытяжки. Позднее Андрей понял, что это было его ошибкой. Будь он готов метнуть боевой нож в живого человека, все произошло бы совсем иначе. Но несмотря на все тренировки всю обработку, которую производили нам ним в братстве, но не мог причинить кому-то вред. Он хотел лишь напугать юношу, заставить его поверить, что он не шутит. Но тот оказался не так-то прост.

Он выхватил нож из дерева и метнул обратно, в Андрея. Уклониться от ножа было не сложно, а вот от полетевшей следом банки с кислотой уже сложнее. Тело среагировало быстро, но недостаточно: ему пришлось менять направление движения, и он инстинктивно сделал кувырок вперед через плечо.

К моменту, когда он вновь встал на ноги, бледный юноша оказался совсем близко, и резким движением выхватил нож из руки Андрея. Словно в замедленной съемке Андрей наблюдал, как лезвие клинка, несколько секунд назад зажатого в его ладони, погружается в его собственное плечо.

Боли он не ощутил, было только странное ощущение неправильности — этого всего не должно было произойти. Секунду спустя он обнаружил себя завалившимся на одно колено, хотя не помнил, как это произошло. Юноша стоял над ним, в одной руке держа окровавленный клинок, а кулаком другой замахиваясь для удара в раненое плечо противника. Боль пришла резко и вытеснила собой все остальное, а затем Андрей погрузился в забытие.

В чувство его привели звуки: кто-то рычал. Руку и плечо он не ощущал. С трудом заставив себя открыть затекшие глаза, он увидел Артура, борющегося с юношей в халате. Но даже для опытного бойца этот хлипкий на первый взгляд юноша оказался не по зубам: он легко поставил подсечку Артуру и ударил его лбом в лоб, отправив в нокаут.

Из-за края зрения Андрея выпрыгнула Мина, и, повиснув сзади на шее белобрысого, попыталась его придушить. Но он резко откинулся назад и всем весом упал на неё. Неизвестно, чем бы закончилась борьба, не окажись на пути её головы угол вытяжки. Издав всхлип, она затихла.

Юноша, медленно покачиваясь поднялся. Повернувшись к Мине, он закричал: "Я должен работать, как вы не понимаете, я должен закончить работу, кроме меня никому!"

Последним что услышал Андрей перед тем, как вновь выпасть из реальности, был отвратительный хруст — пришедший в себя Артур подошел сзади и одним движением свернул юноше шею.

Глава 15: Возвращение

Боль заполняла собой все сознание Андрея. Ноющая, тупая, обжигающая. Он и не знал что можно ощущать их все одновременно. Ему уже стало казаться что он скоро сойдет с ума — от невозможности пошевелиться, открыть глаза и прервать эти мучения, когда он стал слышать ее голос. Саманта. Она постоянно разговаривала с ним, просила вернуться. И боль стала медленно отступать. Но это не принесло облегчения.

На ее место пришли сомнения и вопросы. Что произошло с Миной? Мог ли он предотвратить эту ситуацию? Должен ли он был убить того странного парня? В любом случае, он ощущал вину. Он не оценил ситуацию, он не действовал в команде, он полез на рожон и за это пострадал не только он сам, но и другие.

Когда глаза наконец-то открылись, он обнаружил себя в той же палате, где очнулся после переливания крови. Веки казались свинцовыми, а остальное тело он практически не ощущал. Словно ощутив его пробуждение, в комнату вошел старейшина. Сосредоточившись, Андрей смог заставить язык и губы шевелиться и прохрипел:

— Что... Что случилось?

— Артуру пришлось вызывать помощь. И волочить вас двоих на себе. Тебе здорово досталось, сильное повреждение плеча, сотрясение мозга, пара треснувших ребер. Но жить будешь. А если повезет, рука восстановит полную функциональность.

Андрей попытался поднять руку, но ничего не почувствовал. Тогда он попытался вытянуть шею, чтобы увидеть, может ли он хотя бы пошевелить пальцами. Увиденное заставило его обессилено упасть головой обратно на подушку.

— Да, когда ты потерял сознание во время боя, твоя рука попала в разлитую кислоту... Как я уже сказал, функциональность вероятно восстановится, а вот внешний вид — с ним уже ничего не поделаешь, шрамы от таких ожогов не заживают.

Андрей молчал. Увиденное до сих пор крутилось перед глазами. От тыльной стороны ладони и практически до самого плеча вся кожа его левой руки была покрыта сплошным химическим ожогом. Он с завистью посмотрел на гладкие руки старейшины. Теперь он всю жизнь будет вынужден носить одежду с длинным рукавом, чтобы не пугать окружающих.

Мысль возникла так резко что он чуть не подпрыгнул, как бы болезненно это ни было. Андрей понял, что должен спросить о самом главном. С трудом сплотив, он вновь заставил себя заговорить:

— Мина?

— Жива. Стабильна. Но такой удар не прошел без последствий. Она в коме. И пока что нет никаких признаков повышения мозговой активности. Никто не знает, очнется она или нет.

— Нет... — Андрей застонал от бессилия. Это была его вина.

— Хватит!

— А?

— Прекрати себя жалеть. Ты не сделаешь этим лучше ни себе, ни ей. Другие могут тебя винить, то ты не имеешь на это права.

— На что же я имею право?

— Жить дальше. И сделать выводы. Не допускать чтобы кто-то еще пострадал по твоей вине.

Андрей попытался повернуться на другой бок, подальше от старейшины и его нравоучений. Но остаться наедине с самим собой не получилось: с другой стороны, к кровати было приставлено кресло. В нем спала Сэм.

— Она не отходила от тебя с момента как тебя привезли.

— Давно это было?

— Около недели назад.

Андрей и не предполагал, что прошло так много времени. И все это время она была рядом, разговаривала с ним. Эмоции нахлынули на него еще сильнее, чем недавно это делала боль. Но голос старейшины вернул его к реальности:

— Ты любишь ее?

— Я... Что?

— Я же вижу, как ты смотришь. Скажи ей о том, что чувствуешь. Поверь мне, как человеку, который через многое прошел. Рассказывай о своих чувствах людям, которые для тебя важны, не давай им забыть... пока они еще рядом.

— А если это не взаимно? Как решиться сделать первый шаг? Вдруг она перестанет со мной общаться?

— Неужели это будет хуже, чем недосказанность? Да и поверь мне, не сидела бы она все это время с тобой, не будь эти чувства взаимны.

Старейшина повернулся, чтобы уйти, но Андрей остановил его последним вопросом, вертевшимся на языке:

— Что с ситуацией в куполе?

— Активность приостановилась, вероятно, тот кого вы устранили был единственным химиком, способным на синтез взрывчатки. Но мы не нашли его сообщников, вряд ли он делал это один.

— Мы успели немного поговорить перед боем.

— Да? И что же он сказал?

— Что собирается нас освободить. И что вскоре мы снова поднимемся на поверхность — Андрей замер увидев, как побледнел старейшина — что с вами? Вы знаете о чем он?

— У нас мало времени. Набирайся сил, ты скоро мне понадобишься.

С этими словами старейшина повернулся и вышел, как всегда, оставив Андрея с еще большим количеством вопросов чем до разговора.

Он вновь повернулся к Сэм, но она спала сном праведников. Он снова решил поднять руку и на этот раз получилось. Что ж, красавчиком его больше не назовут, но... Мина живет с худшим. Бросив руку обратно на постель — разглядывать ожоги всегда было неприятным занятием для него — он решил последовать совету и набираться сил. Сон поглотил его прежде, чем он успел задуматься, как ему лучше заснуть.

На этот раз дрема была пустой, без мыслей и сновидений — как раз то, что ему было нужно для исцеления. Он проснулся от щекотки — длинные волосы Саманты коснулись его щеки, когда она наклонилась над ним.

— Прости, я не хотела тебя разбудить — сказала она.

— Ничего, я и так заспался. Старейшина сказал, ты сидела со мной все это время.

— Он заходил? Не понимаю, как ему удастся все время обходить меня стороной... Как ты себя чувствуешь?

— Как идиот, который подставил команду под удар и сжег руку в кислоте. Ты была права насчет братства. Они действительно готовы пойти на что угодно. А я... я не могу. Я не

способен метнуть в человека нож. Просто... просто не могу.

— Тише, успокойся.

— Нет, дослушай. Ты была права. А я не хотел этого признавать, и потому сбежал, даже не предупредив тебя. Но я больше не пойду на это. Я скажу старейшине что больше не буду участвовать в его вылазках. Больше никто не пострадает из-за меня.

— Ты же сам знаешь, что все не так просто... Люди могут страдать не только из-за наших действий, но и от нашего бездействия. Я ценю что ты пытаешься признать свои ошибки, но прошу, не давай обещаний, которые ты не сможешь сдержать.

Она стала обходить его кровать, и он испугался, что она собирается выйти из комнаты, но вместо этого она подошла к его обожженной руке и мягко приподняла ее. Чувствительность все еще была снижена: он почти не ощущал прикосновения.

— Выглядит не так уж плохо.

— Ну хватит. Просишь меня не давать обещаний которые не смогу сдержать, а сама нагло врешь чтобы меня подбодрить.

Она отпустила его руку и засмеялась. Их взгляды встретились и внезапно его горло пересохло.

— Сэм, я хочу сказать...

— Да?

— Я не знаю, как это сформулировать, но...

— О чем ты?

Он бросил попытки сформулировать свою мысль и ухватил ее за руку. Она интуитивно подалась навстречу, все еще не понимая, что происходит. Андрей и сам не отдавал себе отчета в том, что решился. Он просто медленно тянул ее на себя, а затем приподнялся с кровати ей навстречу. На лице Сэм промелькнуло удивление, затем сомнение, и ее рука напряглась. Но когда он решил, что сейчас она вырвется и уйдет, она резко подалась ему навстречу, и их губы соединились в поцелуе.

Словно во сне, он потерял счет времени. Секунды, минуты — все это потеряло смысл, во всем мире существовали только он, она и их поцелуй.

Но все рано или поздно заканчивается. Он откинулся на кровать и открыл рот, чтобы наконец-то закончить то, что собирался сказать, но она прервала его:

— Молчи. Я хочу, чтобы ты сказал мне это, стоя на своих двоих.

— Но...

— Никаких «но»! А то будешь потом говорить, что я ответила тебе взаимностью только из жалости. Приходи в себя. Я проведу тебя чуть позже, и принесу поесть.

Она вышла из комнаты сердце стучало у Андрея в горле. Любит ли она его? Он решил, что вряд ли мог бы получить от нее что-либо более похожее на да и пора перестать об этом переживать. Тем не менее он еще несколько минут продолжал снова и снова прокручивать в голове все произошедшее, а затем ощутил слабость и вновь провалился в сон.

Глава 16: Смена

Артур с Андреем не разговаривал. По правде говоря, он и вовсе притворялся, что его не замечают. Остальные же при виде Андрея замолкали, словно не знали, стоит ли им вести себя с ним как-то по-особенному. Все это быстро стало его раздражать, поэтому вместо тренировок он стал проводить почти все своё время в камере Сэм.

Она мучила его еще несколько дней после поцелуя, а затем они признались друг другу в любви. После этого они не могли оторваться друг от друга. Разум говорил, что ему стоит меньше времени проводить с ней, чтобы не пресытиться, но сдерживать эмоции он не мог.

Спустя 11 дней после его пробуждения к Мине стали пускать посетителей. Её состояние было без изменений. Можно было подумать, что она спит, не будь она подключена к капельнице и к приборам, измерявшим показания пульса.

Сэм не пошла с ним, сказала, что он должен сделать это сам. Она была права, он хотел побыть с Миной наедине. Сказать ей, насколько он сожалеет о произошедшем. Сказать, что он верит, что она вернется. Сказать, что сделал бы все, чтобы вернуться назад во времени и исправить это. Но для него время бежало только вперед. А все слова моментально испарились из головы, стоило ему сесть у изголовья её кровати.

Несколько минут он молча рассматривал шрамы на её лице. А затем произнес: "Ты птица Феникс, помнишь? Чтобы ни происходило, ты всегда восстаешь из пепла. Только... не тяни с этим, ладно?"

Он поднял взгляд и увидел Артура, застывшего в дверном проеме.

— Я уже ухожу.

— Сиди — Артур зашел в комнату и сел напротив — я прошу у тебя прощения.

— За что?

— Ты самовольный козел, который втянул нас в ту драку. Но я знаю, что ты не хотел этого. И ты не заслуживаешь, чтобы тебя избегали и игнорировали. Она — он кивнул в сторону Мины — не хотела бы этого. Поэтому я извиняюсь за то, как я себя вел.

— Я...

— Только не думай что, если я извинился, все станет как раньше.

— Не уверен, что все вообще когда-нибудь может стать как раньше. Но жизнь как-то продолжается.

— Избавь меня от нравоучений, мне и от старейшины этого хватает.

— Извини.

— Ладно, хватит этих разговоров. Тебя ждет старейшина.

— Зачем?

— Он не сказал.

Подъем дался Андрею неожиданно легко. Конечно, ребра все еще ныли, но он вполне мог бы побежать, если бы захотел. Он с грустью посмотрел на руку: если бы и она заживала также легко, как все остальное. Но, видимо, ему следовало привыкать к прозвищу сухорукий, которое шепотом расходилось за его спиной.

Андрей вошел в кабинет. За столом сидел старейшина. Точнее, человек, сильно его напоминавший. Те же черты лица, хоть и слегка обостренные, те же темные волосы. Но его глаза были пустыми, кто-то погасил огоньки, жившие внутри. Старейшина заметил Андрея и откинулся в кресле. Даже его манера сидеть, и мимика поменялись, теперь от них веяло

тоской и усталостью.

— Что с вами случилось?

— Жизнь, мой мальчик. Никому не дано одолеть жизнь.

— О чем вы?

— Ответь мне на один вопрос. Имей ты возможность вернуться назад во времени со всеми знаниями, которыми обладаешь сейчас, чтобы ты сделал?

— Эм...

— Ну же, представь, что тебе вновь 18 лет. Нет, лучше даже 6. Что бы ты сделал?

— Не знаю, закончил бы школу экстерном, наверное. Поступил бы в другой вуз, чтобы сравнить, есть ли разница.

— Экстерном говоришь. Но ведь тогда всё твои друзья, с которыми ты познакомился за школу и институт, не знали бы тебя. И непросто было бы найти подходящий повод, чтобы с ними вновь познакомиться.

— Хм. Тогда... наверное, я не стал бы так радикально всё менять.

— Парадоксально, не правда ли? Нам кажется, что мы столько всего хотели бы поменять в нашей жизни. Но на самом деле это иллюзия, мы не хотим прожить всю жизнь заново, мы хотим лишь выкинуть из неё всё плохое и оставить всё хорошее. Но жизнь так не работает. Каждый выбор, каждое действие могут иметь долгосрочные последствия, которые мы часто и не замечаем. А потому возможность вернуться назад и "всё исправить" не так уж хороша, как кажется на первый взгляд.

— Но если уж мы допускаем возможность перемещаться назад во времени по собственному желанию, зачем ограничиваться одним разом? Что если мы могли бы откатываться назад многократно? Посмотреть различные варианты, и в итоге выбрать самый лучший? Разве это не решило бы все проблемы?

— Ты так и не уловил основную мысль. Допустим ты решил вернуться в тот бой, где пострадала Мина, и вести себя умнее. Но в итоге ты разозлил противника ещё сильнее, и он не покалечил, а убил тебя. Или ты вернулся в тот день, когда внезапно оказался здесь, и вместо площади пошёл в другое место в надежде, что всё пойдет по-другому. Но где гарантия, что на переходе тебя не собьет машина? Какой бы плохой тебе не казалась твоя жизнь, ты знаешь, что в ней произошло. А любое изменение чревато последствиями в разы страшнее.

— Возможно. Но ведь и дальнейшая жизнь может преподнести мне любые сюрпризы. Бояться менять прошлое всё равно что бояться жить, да, любой миг может принести внезапную смерть, но он также может принести и что-то замечательное. Для меня не было бы разницы, жить свою жизнь дальше, или вернуться в прошлое и попытаться сделать из неё что-то новое.

— Для тебя может и не было бы. А вот для мира, в котором ты живешь и на который влияешь, разница может быть колоссальной. Ладно, я увлекся.

— Вы меня звали.

— Да, нам нужно многое обсудить. Придется зайти издалека.

Старейшина закашлялся. Кашель был тяжелым, долгим и не предвещал ничего хорошего. Андрей заметил следы крови на столе. Он обеспокоенно взглянул на руку Старейшины, ожидая что и она окажется в крови, но рука была в порядке. Наконец, старейшине стало легче, и он вновь заговорил:

— Радиация подрывает здоровье. Мало кто в куполах дожил до моего возраста, но

похоже, и я достиг своего предела.

— Наверняка есть какое-то лечение...

— Его не было даже до катастрофы. Иначе мы бы здесь не сидели. А сейчас... Но знаешь, дело даже не в физиологии. Я устал. Я прошел через хаос и давление, которое сломало многих людей вокруг меня. Я принимал решения, которые стоили жизни другим людям. И вот я здесь и я... я больше не хочу никого терять. Не могу терять. Это убьет меня, а я хочу уйти на своих собственных условиях.

— Вы же не думаете о суициде, верно?

— Суицид? Можно и так сказать, наверное. Когда человек отправляется в последнее паломничество и знает, что он из него не вернется, это суицид?

— Если у него нет возможности вернуться, то да. Постоите, паломничество? Только не говорите мне что собираетесь сделать то, что не дали сделать мне, и подняться на поверхность.

Старейшина внезапно разразился хохотом. Впрочем, его смех быстро перешел в новый приступ кашля. Успокоившись, он продолжил:

— Поверхность? Нет. Я уже как-то говорил тебе. Я был когда-то похожим на тебя, и, как и ты стремился к свету...

— Да, да, а теперь вы видите наше будущее там, внизу, во тьме. Я помню.

— Именно. Туда я и отправлюсь.

— Но... как? И кто займет ваше место?

— Ты скоро узнаешь как. А мое место. Я собираюсь рекомендовать Артура,

— Но...

— Не перебивай! Я знаю, что ты хочешь сказать, Артур хороший боец, но он не сможет работать с людьми. Поэтому время придет, ты сменишь его на этом посту.

Андрей едва не подавился слюной от удивления. Перед глазами пронеслось то, как старейшина носился с ним больше, чем со всеми остальными. Планировал ли он это с самого начала? Он вдохнул и вывалил все свои сомнения:

— Что? Почему я? А что, если я не хочу? Об этом вы подумали? Я ведь даже не разделяю ваших подходов. Я не смог навредить тому химику, не думаю, что когда-нибудь смогу, если честно. И не думаю, что кто-либо в куполе будет мне рад после произошедшего.

— Старейшине не должны быть рады. Его должны уважать. И прошедшая операция сделала тебя известным, даже если ты считаешь, что с плохой стороны. Ты не убежал, ты среди нас, ты оправился после ранений. Да, ты совершил ошибку, но это лишь показывает, что ты сделаешь все чтобы не совершить ее еще раз. И да, я знаю, что ты этого не хочешь. А потому и говорю, что ты заменишь Артура, когда будешь готов. И я знаю, что рано или поздно ты согласишься, знаешь почему?

— Понятия не имею.

— Ты из того типа людей. Людей, которые не могут стоять и смотреть, как происходит что-то плохое. Большинство пройдет мимо и скажет — это не моя проблема. И ты хотел бы сделать также. Но где-то в глубине тебя живет голос, и этот голос твердит тебе, что все происходящее вокруг — твоя ответственность и бездействие — это выбор, ничем не отличающийся от действия. Поэтому ты будешь новым старейшиной. А что касается убеждений. Я не прошу тебя быть таким как я. Напротив, я не хочу, чтобы ты повторял мои ошибки, хотя временами это и будет неизбежно. Ищи свой собственный путь, веди людей туда куда считаешь нужным. Это единственный способ, при котором они пойдут за тобой.

— Я...

— Тебе надо обдумать это, я понимаю. А пока что позволь рассказать тебе одну историю.

— Их мне сейчас ещё не хватало...

— Тсс, слушай. Сразу после катастрофы я познакомился с одним парнем. Его звали Уильям. Уильям Орнеги. Тогда ему было 11 лет. А я... мир рухнул, моя компания сгорела вместе с ним, а братства в том виде, в котором оно существует сейчас, ещё не существовало. Но если ты думаешь, что это было простое время, то ты ошибаешься, многие люди не могли смириться с произошедшим, а остатки тех компаний, что строили купола, пытались установить свою власть и максимально отупить население, чтобы им было проще управлять.

— Судя по всему, им это вполне удалось.

— Частично. Но речь сейчас не об этом. Уильям был из простой семьи. Его родители не могли купить место в куполе или попытаться получить его по связям. Но у мальчика обнаружилась мутация. У них нет. Меньше всего он хотел находиться в куполах, но его никто не спрашивал. Как я уже говорил, тогда творится хаос, а я боролся за любого человека, обладавшего мутацией, так как каждый из них повышал наши долгосрочные шансы на выживание. Уильям был умен, интересовался техникой и ненавидел тех, кто пытался нас контролировать. Это и привлекло меня к нему. Ещё немного — чувство вины. Хотя я и познакомился с ним после погружения, мои действия косвенно привели к его разлучению с родителями.

— И вы не рассказали ему о роли, которую в этом сыграли?

— Нет. Я направил его гнев на, как я считал, благородное дело, и надеялся, что тем самым искупаю свою вину перед ним и остальными, ему подобными. Он был первым, кто предложил вернуться в первый купол, чтобы подключиться к системам слежения. Вместе с ним мы осваивали их, учились обманывать. Но постепенно он становился все более параноидальным, ему все время казалось, что за нами следят, и постепенно он стал все больше воспринимать купола, как нашу тюрьму. Тюрьму, из которой нас надо освободить.

— Постойте...

— Да, я не просто так рассказываю эту историю. Дослушай. Я пытался ему объяснить, что купола защищают нас, но он отказывался в это верить. Ему стало казаться, что мир на поверхности все ещё существует, а все это — какой-то страшный социальный эксперимент. Когда я осознал, что не смогу его переубедить, наши пути разошлись. Я начал возрождать братство. Что же касается него. Пару месяцев спустя субмарина, на которой он плыл, отклонилась от курса, и направилась к поверхности. Вероятно, он смог взломать систему автопилота. Годами я думал, что он умер.

— Может это совпадение? Вряд ли только он воспринимал купола как тюрьму...

— Только один человек мог обмануть систему слежения так, чтобы я этого не заметил. А теперь эти слова... Я не верю, что это совпадение. А ты?

— Но если это действительно он, как он пережил подъем на поверхность? Значит ли это, что он может быть прав? И поверхность не так страшна, как мы привыкли считать?

— Ты сам был в первом куполе. Помнишь, как плохо тебе было после.

— Но это ничего не доказывает, может это часть мистификации! Вы пытались подниматься на поверхность?

— Мальчик, я видел своими глазами, как она горела. Поверь, после такого там не может быть ничего, кроме пустыни. И если он добьётся своего и "освободит" нас, всё человечество

погибнет. Этого нельзя допустить. Пообещай мне. Ты должен пообещать, что остановишь его.

— Если все что вы рассказываете правда, то почему вы сами не остановите его? Вы годами растили его ненависть, а теперь хотите, чтобы я решал это за вас? Если старейшина — человек, которому не все равно, то почему же вы сдаётесь? Разве это не ваша ответственность?

Старейшина скукожился в своем кресле. Сейчас это был просто слабый старик, неспособный даже словами защитить себя. Ярость отхлынула также быстро, как накатила, и Андрей испытал лёгкий укол стыда. Он сделал пару вдохов и выдохов, а затем сказал:

— Я никогда не одобрю этого вашего "последнего путешествия". Но если так вы решили, то и катитесь к черту. А что касается обещания. Я готов пообещать, что сделаю все возможное, чтобы остановить этого Уильяма в пределах того, что считаю допустимым, если вы расскажете, почему приказали убить родителей Саманты.

— Их никто не убивал.

Что-то в облике старейшины поменялось. Андрей не сразу понял, что это были огоньки — они вновь вспыхнули в темных глазах, заставляя старика казаться молодым. Несколько минут они молчали, а затем Андрей не выдержал:

— Но Сэм сказала мне, что...

— Она сказала тебе то, что услышала от Марселя. Версию на который мы с ним сошлись.

— А что произошло на самом деле?

— В начале... многие не справлялись. Люди понимали, что это единственный способ выжить для человечества, но оказывались не готовы быть частью этого человечества.

— Суициды?

— Да. Зачастую родители оставляли детей, надеясь, что те смогут адаптироваться к жизни в куполах. Так сделали и родители Саманты.

— Но я не понимаю, зачем рассказывать ей ложь, зачем настраивать против себя?

— Расскажи мы правду, её бы это сломало. Не Расскажи мы ничего, она рано или поздно сама бы догадалась.

— Все ещё не понимаю. Зачем же говорить, что это Марсель их убил? И откуда мне знать сейчас, что вы не обманываете меня, чтобы получить моё одобрение?

— Разве эта история побуждает тебя одобрить меня? Подумай ещё раз мальчик. Ты не обязан мне верить, а я не обязан доказывать тебе что говорю правду. Верить или нет, решать тебе. Может когда-нибудь ты поймёшь, почему я так поступил.

— Эй, я все ещё не дал своего обещания!

— Теперь мне это и не нужно. Я знаю, что ты не сможешь остаться в стороне. Ты будешь защищать купола, хотя бы ради неё.

Андрей вскочил и вышел их кабинета, резко хлопнул дверью. Но даже сквозь неё он слышал хохот, последовавший за ним. Все что сказал старейшина, перемены в его поведении, не укладывались в голове. Отказ бороться, попытки манипуляций. И омерзительная уверенность, что Андрей станет делать, как тот говорит. Это бесило. Осознав, что ходит кругами, Андрей хотел было пойти в каморку Сэм, но резко передумал. Через несколько минут он вошёл в тренировочный зал и направился напрямик к Марселю. По залу тут же разошелся шёпот про сухорукого, но он не обратил на него и остальных людей никакого внимания. Марсель тренировался в дальнем краю, делая выпады в воздух длинным

шестом. Андрей подхватил с пола аналогичный шест и встал в боевую позу.

Марсель отсалютовал ему и стал приближаться. Андрей ударил, а затем, крутанувшись, ударил с другой стороны. Мир вокруг померк, остался только он, Марсель, и их оружие. Тело двигалось само, словно в неистовом танце, и когда шест вылетел из рук Марселя, он не остановился ни на секунду. Быстрая подсечка, и вот уже Марсель лежит на полу, а он, отбросив шест, кидается на него сверху и начинает наносить удары.

Кто-то вскрикнул и несколько пар рук появились в поле зрения, чтобы разнять их. Андрей не глядя нанёс несколько ударов в направлении, откуда, по его мнению, появились руки. Крики усилились, а затем его что толкнуло в спину, скидывая с Марселя.

Голова гудит от удара об пол, и он наконец оглядывается. Все, стоящие в зале обступили их с Марселем, но не рискуют приближаться. Марсель приподнимается с пола, из его разбитого носа течёт кровь. Он сплевывает на и без того влажный пол и тихо произносит:

— Эй, парень, ты что, озверел?

— Это правда?

— О чем ты?

— Её родители покончили с собой, это правда?

— Я...

— Отвечай!

— Да.

— Зачем? Зачем вся эта история с убийством?

— Старейшина...

— Хватит ссылаться на него! Это ты соврал ей. Зачем? Зачем?!

— Хватит! — голос старейшины разнесся по залу, как пушечное залп — успокойте его.

А потом — я буду говорить.

Только сейчас Андрей ощутил кровь, стекавшую по его лицу. Видимо, Марсель тоже успел его зацепить. Он встал и прошёл сквозь толпу, которая молча расступилась перед ним. Проходя мимо старейшины, он поймал его взгляд, и, ни слова ни говоря, двинулся дальше в коридор.

Возвращаться к Сэм больше не хотелось. Он забился в вентиляционный лаз и лёг на спину. Весь сегодняшний день сейчас казался ему чем-то совершенно нереальным, наваждением. Он — новый старейшина? Что же, похоже он только что сделал все, чтобы этого не произошло. Никто не пойдёт за ним после этой драки. Рассказ про Уильяма был тем более странным. Парень, выживший на поверхности? Ещё одним поводом больше попробоваться подняться туда самому. Теперь, когда сам старейшина похоже собирался покончить с собой, все его доводы потеряли актуальность. Кроме разве что последнего.

Она потеснила его и легла рядом. Он не стал спрашивать, как Сэм нашла его. Сейчас ему хотелось, чтобы она ушла и осталась одновременно. Через несколько минут молчания она заговорила:

— Живой?

— А что, не похоже? Прости. Да, все в порядке.

— В порядке? Не похоже, чтобы все было в порядке. Старейшина объявил, что передаёт свой пост Артуру, ты избил моего приёмного отца, а все вокруг теперь шепчутся при моем приближении. Объяснишь, что происходит?

— Мир сошел с ума кажется. А может это только я. Хочешь знать почему все шепчутся? Потому что Марсель и старейшина наврали тебе. Никто не убивал твоих родителей. Они

покончили с собой.

От повисшей тишины Андрею стало неловко. Он повернулся на бок и посмотрел на неё. Она неподвижно лежала, её лицо замерло, а из глаз катились слезы. Он ожидал отрицания, гнева, но никак не этого. Надо было её подготовить, придумать как подать эту новость. Но он был слишком поглощен собой и сделал ей больно. От этого осознания ему захотелось выть, но он сдержался. Вместо этого он произнес:

— Я пытался выяснить зачем — он подождал с минуту, и не дождавшись ответа продолжил — но они не стали рассказывать. Даже после... после произошедшего в зале.

— Прости, я... я хочу побыть одна.

— Да, конечно, я понимаю.

Она ушла, оставив Андрея одного в темноте. Убедившись, что она ушла достаточно далеко, Андрей перестал себя сдерживать, и в полный голос завыл. Ответило ему только эхо.

Несколько часов спустя он обнаружил себя сидящим у обшивки купола. Он надеялся услышать что-либо, прислонив ухо к холодному металлу, но слышал лишь стук своего сердца. Уродливые шрамы на левой руке так и притягивали к себе его внимание, но он старался на них не смотреть и продолжал прислушиваться.

Походку Артура он узнал издалека. Оторвавшись от обшивки, он смотрел, как тот приближается. Артур присел на корточки и сменил Андрея долгим взглядом:

— Жалеешь себя, драчун?

— Да пошёл ты!

— Я-то пойду, но тебе придётся идти со мной. Старейшина хочет, чтобы мы с тобой его проводили.

— Я тоже много чего хочу. Обойдется.

— Не вынуждай меня тебя заставлять. Марселя ты может и отделал, но со мной тебе не справиться. Да и хватит делать вид что тебе все равно. Не попрашаешься с ним сейчас — потом пожалеешь.

Андрею не хотелось признавать правоту раздражающего собеседника, но он нехотя встал и поплелся следом за ним. Чтобы он ни испытывал к старейшине, попрощаться стоило.

Комната, в которую его привёл Артур, была ему незнакома. Она располагалась у самой обшивки, и у самой стены был расположен шлюз со странными рельсами. Рядом с ними стоял старейшина.

— Что это за место?

— Кладбище — ответил Артур — никогда не задумывался что происходит с телами умирающих?

— Я думал их сжигают или как-то перерабатывают.

— Была идея пускать погибших на удобрения — подал голос старейшина — но давление на обитателей куполов было и так большим, чтобы добавлять к нему поедание, себе подобных. В итоге возникла традиция: тела помещают в герметичный металлический гроб и выбрасывают в океан через специальный шлюз. А течение уносит их на глубину.

— Но ведь в итоге давление все равно раздавит этот гроб, разве нет? И они все равно пойдут на корм рыбам. Так зачем так заморачиваться?

— Как я уже сказал, это традиция. Люди хотели видеть, что даже в смерти они бросают последний вызов океану.

— Ладно, допустим, и зачем мы здесь?

— Я думал, Артур тебе сказал. Чтобы проводить меня в последний путь.

— Нет. Нет. Только не говорите, что вы собираетесь залезть в этот гроб живьём. Нет. Я не буду в этом участвовать — он повернулся к Артуру — а ты что молчишь? Неужели ты считаешь это нормальным?!

— Это то, чего он хочет — ответил Артур.

Старейшина подошел, положил руку на плечо Андрея и заглянул ему в глаза. В них читалось смирение.

— Знаю, это не то, чего ты от меня хотел. Но тебе нужно отпустить меня. Только так ты сможешь идти дальше. Постарайся не совершать моих ошибок. Будь лучше.

— Как я могу не совершать ваших ошибок, если даже не знаю большинство из них? Может хватит говорить этими общими фразами и нравоучениями? Вы убедили меня продолжать жить и бороться, а теперь сами сдаетесь и бросаете меня. Как это научит меня быть лучше? В чем вообще был смысл меня спасать? Почему вы не дали мне просто подняться на поверхность, как я хотел?

— *Потому что ты попал в это время не случайно. Не знаю, какие силы это сделали, но ты — то, что нужно этому миру. И я верю в то, что ты сможешь его поменять. Осталось тебе поверить в это.*

Старейшина повернулся к Артуру и пожал ему руку. Происходящее вновь показалось Андрею чем-то нереальным, ещё одним бредовым сном. Он тупо смотрел, как старейшина лёг в металлическую коробку, как автомат опустил сверху крышку и приварил её к основному корпусу, и как по странным рельсам гроб медленно выкатился в шлюз. Он молча вышел из комнаты, дошёл до своей кровати, и не раздеваясь упал на неё. Последнее что промелькнуло в его голове перед тем, как он провалился в сон, было облегчение от того, что этот безумный день закончился.

Глава 17: Убийство

Они сидели на полу. Он обнимал её сзади, уткнувшись лицом в пышную кипу её волос. Андрей ощущал тепло её тела и приятный запах, исходивший от её шевелюры. Саманта нечасто распускала косу, но он обожал, когда она это делала. Прижавшись к ней еще сильнее, он спросил:

— В какой момент ты поняла, что любишь меня?

— Сложно сказать. Первое впечатление было не самым лучшим. Эй, хватит щипаться! А потом. Ты пролез в мою жизнь, наполнил её собой. Когда же ты уехал, не попрощавшись, я злилась несколько дней, представляла, как высказываю тебе всё что думаю. А потом внезапно осознала, что, когда ты вернёшься, я больше не смогу злиться. Но, наверное, окончательно я поняла что люблю тебя, когда увидела тебя лежащим в той палате.

— Значит влюбилась из жалости, да?

— Ну если такой ответ тебя устроит...

Она повернулась к нему лицом, и Андрей в очередной раз удивился, как её глаза могут меняться от ледяных до невероятно тёплых. Он поцеловал её и прошептал на ухо:

— Меня устроит любой ответ, если его даёшь ты.

— Хватит подлизываться. Лучше скажи, когда ты влюбился в меня.

— Ну, ты понравилась мне, как только я тебя увидел. Но, вероятно, мне не хватило бы смелости продолжить общение, если бы я не увидел, как ты увлечена всем этим.

Тут он обвел рукой кабинет, в котором они сидели. Она засмеялась. Сейчас, слушая этот смех, ему казалось, что события, произошедшие несколько дней назад, были давным-давно. Но по правда говоря, последние дни он не мог спать. Стоило ему закрыть глаза, он раз за разом видел закрывающуюся крышку гроба со старейшиной внутри.

Он украдкой посмотрел на часы, висящие над дверью. Однако это действие не осталось незамеченным.

— Куда-то торопишься, стесняшка?

— Нет. То есть. Я договорился встретиться с Артуром через несколько часов.

— Зачем? Не думала, что вы все еще общаетесь.

— В один из наших предыдущих разговоров, старейшина... прошлый старейшина сказал, что я не смогу остаться в стороне. Мне придётся вновь вмешаться в то, что происходит в третьем куполе.

— А что думаешь ты?

— Я... меньше всего я хочу в это влезать, но, если это будет угрожать тебе — разве у меня есть выбор?

— Есть. Но похоже ты его уже сделал.

— Сэм, я...

— Не надо, не оправдывайся. Я понимаю.

— Иногда мне кажется, что я не заслуживаю тебя. Ладно, не иногда. Постоянно.

— Почему?

— Потому что чтобы ни происходило, ты меня поддерживаешь. Даже тогда, когда тебе самой тяжело.

— Ты... даёшь мне что-то другое. Надежду.

— Надежду? Я? Ты говоришь это человеку, который видит кошмары каждую ночь.

— И все же. Ты веришь в будущее. И веришь, что оно может быть правильным. Веришь, что как бы ни был сломан мир, ты сможешь его исправить. Это впечатляет.

— Знаешь, он хотел, чтобы я стал новым старейшиной.

— Вместо Артура?

— Скорее после него. Но я не думаю, что я когда-либо буду готов к такому. Я хочу вносить свой вклад в будущее, но не так.

— Никто не будет тебя заставлять. Это твоё решение.

— Я просто... А ладно, давай поговорим о чем-то совсем другом?

— Хорошо. Говоришь у нас есть ещё несколько часов? Можем и вовсе не разговаривать, у меня есть ещё идеи, чем можно заняться...

Артур стоял, склонившись над бумагами. Прошедшие дни не пошли ему на пользу, он осунулся и побледнел. Андрей легко хлопнул его по плечу:

— Эй, ты вообще спишь?

— Сплю. Чуть-чуть. Иногда.

— Ясно. Что ты хотел обсудить?

— Третий купол. Там что-то происходит.

— С чего ты взял?

— Инженерам приказали демонтировать часть оборудования. Они освобождают целые секции внутри купола и укрепляют их. Понятия не имею зачем.

— А я, кажется, знаю. Они делали взрывчатку, располагали её где-то снаружи. Потом эти слова про освобождение от оков океана.

— Не томи. Единственное что мне приходит в голову, попытка затопить купол, но тогда зачем бы они заморачивались на оборудование? Чтобы перевезти его куда-то ещё?

— Они не хотят затопить купол. Наоборот. Думаю, они хотят поднять его на поверхность. Взрывчатка не на обшивке, она на тросах, удерживающих купол на дне. А освобождение секций нужно для их затопления. Так они смогут регулировать скорость всплытия.

— Но это безумие! Там, на поверхности, радиоактивный ад, никто не выживет там и дня!

— Полагаю наши противники другого мнения.

— Мы должны их остановить. Иначе погибнет целый купол...

Голос Артура ещё доносился до Андрея, но будто сквозь толщу воды. Он думал. Ради Сэм он был бы готов сделать что угодно, но это. Купол мог погибнуть. А возможно, тот кто все это устроил, прав? Может поверхность давно восстановилась, а может катастрофы не было вовсе и все это правда какой-то вышедший из-под контроля эксперимент. Понимали ли люди, закладывая взрывчатку на тросы, что они делают? Чем рискуют?

У него не было ответов на эти вопросы. Артур мыслил, как старый старейшина. Он пытался защитить купола. И вероятно, он попытается убить любого, кого сочтет опасным, как он сделал это с тем химиком.

А затем Андрей услышал свой внутренний голос. И этот голос говорил ему что он мог бы не вмешиваться. Позволить ситуации развиваться своим путем. Но, как бы ему возможно не хотелось этого, он уже сделал свой выбор. Он не будет стоять в стороне, когда может решить эту ситуацию по-своему. Он должен был услышать, что ему скажет этот Уильям и как он объяснит свой план. По крайней мере попытаться.

— Нам надо выдвигаться немедленно.

— Нам? — Артур явно удивился — не думаю, что тебе стоит идти...

— Знаю, ты мне не доверяешь. Я не прошу тебя дать мне прикрывать тебе спину. Но я прошу дать мне шанс. Я учусь на своих ошибках. И в этот раз смогу помочь.

— Хорошо. Будь готов через час.

— Принято.

Он пошёл напрямик к Сэм. На этот раз он не собирался уходить не попрощавшись. Андрей чувствовал себя легко, несмотря на адреналин. Возможно, в чем-то старик был прав. Но его это больше не волновало. Он знал, что будет искать свой собственный путь.

Сэм крепко обняла его на прощание. Он пообещал, что вернётся живым. Что что бы ни произошло, они ещё обязательно встретятся. Она ответила, что верит ему. Напоследок он долго посмотрел в её глубокие голубые глаза и вышел из каморки, оставив её одну.

Сердце бешено билось в груди, и он не заметил, как оказался в лёгкой субмарине, с еще пятью другими людьми из братства. Артур быстро вводил остальных в курс дела и объяснял план действий, но Андрей слушал его в пол уха — его собственные планы сильно отличались от роли, которую выделил ему Артур. Сидеть у подводной лодки и ждать, пока остальные обыскивают купол сверху вниз? Ну уж нет. Если он был прав, Уильям был пауком. А паук всегда сидит в центре своей паутины. Там, откуда он видит всё происходящее.

В конце брифинга, Артур протянул небольшой значок. Андрей осмотрел его, но не заметил ничего необычного, выглядел он как небольшая пластинка, которую можно надеть на одежду для красоты.

— Маячок — пояснил Артур — нажми если дело будет туго, так мы сможем отследить тебя, даже если заберут в другой купол.

— Ножи бы не помешали.

— Зачем они тебе?

— Мало ли кто придёт в док посмотреть, что это за новая субмарина причалила. Зачем вообще нужен человек на стреме, если не предполагать, что на него могут напасть?

Артур нехотя достал из рюкзака два ножа. Андрей отметил, что тот держал их на голове — а значит ожидал этой просьбы, хоть и не был ей рад. Оставшуюся дорогу они провели в молчании.

Он ожидал что в доке их будет ждать банда помощников Уильяма, но они оказались пустыми. Видимо, все свободные люди были брошены на расчистку секций для затопления. Артур положил руку ему на плечо и кивнул. Андрей кивнул в ответ. Он был рад что никто не спросил можно ли на него рассчитывать, и ему не пришлось лгать. Он выждал несколько минут после их ухода и направился к уже знакомой лестнице.

Остальные ушли к центру купола, чтобы подняться на самые верхние уровни ферм. Но Андрею достаточно было пойти вдоль обшивки, чтобы найти лаз, которым он в прошлый раз двигался к Мине. Теперь ему надо было попасть на уровень ниже, чем в прошлый раз. К лаборатории химика.

В комнате, где располагалась лаборатория не осталось и следа от происшествия. Кто-то постарался замести следы. Но это только подстегнуло мысли Андрея о том, что Уильям должен находиться где-то рядом. Он осмотрелся вокруг и попытался понять, где засел бы, будь он на его месте. Ничего не вышло. Коридор был невзрачным. Тогда Андрей решил представить, что он старейшина. Если эти двое долго общались, наверняка и мыслят они схоже.

Его взгляд упал на полосу инфракрасной панели. Ну конечно — он хлопнул себя по лбу.

Система наблюдения. К ней должно быть прямое подключение. Через несколько минут он остановился у ближайшей серверной. Сердце бешено колотилось. Сейчас он узнает, был ли прав все это время. А если он прав? Тот, кто сидит за дверью, наверняка знает о его приближении. И ждёт его. Резко выдохнув, Андрей вынул один из ножей из-за пояса и вошёл в комнату.

Андрея замер, глядя на мужчину, сидевшего за столом. Блестящая лысина контрастировала с длинной белесой бородкой, а голова сильно выдавалась вперёд — мужчина горбился. Наконец он оторвался от экрана и посмотрел в глаза Андрею. Это не был взгляд паука. В нем ощущалась сталь, отполированная годами страданий.

— Проходи, садись. Чаю?

— Что?

— Чай. Напиток такой. Был весьма популярен до катастрофы, хотя сейчас его пьют не так часто.

— Я знаю, что такое чай.

— Тогда в чем дело? А, дай угадаю, ты пришел убить меня и хотел пропустить прелюдию?

— Вообще-то я пришёл поговорить.

— Тогда тем более садись.

Андрей медленно подошёл и сел, не выпуская из рук нож. Сейчас он осознал, что после подъема очень хочется пить, но рисковать и пить то, что предлагает этот человек он не собирался. Пожав плечами, Уильям сделал глубокий глоток и заговорил:

— Что он успел тебе про меня рассказать?

— Кто?

— Не разыгрывай драму. Старейшина. Он же тебя сюда отправил.

— С чего ты взял?

— Я тебя умоляю. После того что мы с ним устроили в моей юности, в куполах осталось не так много осознанных игроков. А тот факт, что он прислал тебя, а не пришёл сам может означать только одно: старейшина мёртв. Да здравствует старейшина! Столько лет я играл с ним в кошки мышки, даже устроил этот дурацкий пожар, а он так и не понял, с кем имеет дело. Но теперь это не важно.

— Вы стояли за тем пожаром? Но зачем?

— Я надеялся, что он поймёт. Увидит, что все, что он делает, бесполезно. Какой смысл защищать человечество, если не направляешь его? Если это не делаешь ты, сделает кто-то другой. И последствия могут быть катастрофическими.

— Он рассказывал, что вы хотели бороться против тех, кто манипулирует людьми. А в итоге... вы стали таким же?

— Мой мальчик. Я давно перестал окрашивать мир в какие-то цвета. Все мы так или иначе манипулируем окружающими людьми, чтобы заполучить то, чего хотим. В конечном счёте все сводится лишь к тому, что мы можем, и как далеко мы готовы позволить себе зайти. Позволь, я покажу тебе.

С этими словами он достал из-за пазухи небольшую коробочку с кнопкой на одном из торцов. Андрей сразу понял что это такое. В своих руках Уильям держал детонатор.

— Уильям, подожди!

— Билл. Просто Билл. И да, я могу нажать на кнопку, и вся твоя миссия будет провалена. Ты можешь остановить меня, метнув этот нож. И ты знаешь, что метать его

придётся в голову, чтобы я умер мгновенно. Иначе я все равно успею её нажать. Но вопрос: готов ли ты это сделать?

— Хочешь проверить?

— Выпендриваешься. Пытаешься убедить меня и себя что ты крутой. Что ты стал лучше с прошлого раза. Но я видел запись. Тот парень, что убил моего химика, смог бы меня остановить. Но не ты.

— Ты специально меня подначиваешь? Хочешь умереть?

— Мой мальчик... я не боюсь смерти. То, как мы существуем здесь, в куполах — это не жизнь. И я готов умереть за то, чтобы это прекратилось.

— И ты готов забрать с собой на тот свет целый купол?

— Только не говори, что веришь в эту чушь про поверхность. Я был там. Я видел цветущую землю на горизонте. Все это время нас обманывали.

— Если там так хорошо, как ты говоришь, почему ты там не остался?

— Я хотел показать остальным, как они заблуждаются. Но ОНИ поймали меня. Заперли. А когда удалось сбежать, мне пришлось прятаться, действовать скрытно.

— Кто они?

— Те, кто устроили это все! Весь этот эксперимент с куполами.

Андрей устало откинулся на спинку стула. Ему хотелось верить, что мир на поверхности уцелел. И сначала Уильям даже стал внушать ему уважение. Но сейчас он видел лишь больного человека, застрявшего в своей паранойе.

— Послушай, я был в первом куполе. И после дозы радиации, которую я там получил, у меня начались видения. Думаю, то же произошло и с тобой. Ты увидел лишь то, что хотел увидеть.

— Ты не веришь мне. Но ты увидишь сам. Они смогли спрятать меня, но спрятать целый купол не смогут. Все будет конечно. Знаешь, я боялся, что моим планам конец, когда вы остановили производство взрывчатки. На все тросы больше не хватало. Но я придумал решение: мы сдвинули заряды в места, где тросы крепятся к обшивке. Ты знал, что в каждое крепление на обшивке приходится сразу по три? У нас даже остался запас. Мы успели закончить работу ещё до вашего приезда.

— Послушай, допустим, я верю тебе. Давай притормозим. Мы поднимемся на поверхность вдвоём, хорошо? Ты и я. Мы посмотрим, убедимся, что ты прав и это не был какой-то мираж, и тогда поднимем остальных, хорошо?

Билл слегка опустил руку. На его лице отражалась борьба. Наконец, она разрешилась. Он посмотрел Андрею в глаза и еле слышно произнес: ОНИ не позволят. Время многократно замедлилось, как тогда, когда в него летел нож. Он видел, как палец медленно начинает подниматься над кнопкой. Сейчас или никогда. Андрей напряг мышцы для броска и... не смог.

Взрыв выбил пол у него из-под ног. В ушах звенело, но даже сквозь этот звон доносился вой аварийных сирен. Он нащупал выпавший из руки нож, медленно встал и огляделся. Билл лежал на полу. Андрей не мог его слышать, но гримаса, исказившая его лицо была ему знакома: сумасшедший хохотал. Что-то порвалось внутри Андрея. Прежде чем он успел осознать происходящее, рука с ножом сама замахнулась, а в следующий миг нож из рассеянного броском ножа горла брызнула кровь. Лицо Билла так и застыло в странной гримасе, смешанной из смеха и запоздалого удивления. Андрей отвернулся, сделал пару шагов, а затем его стошнило.

Глава 18: Кошмар

Голова кружилась, видимо от удара об пол. Андрей, покачиваясь вышел в коридор. Купол дернулся, и пол накренился градусов на 15. Следом за этим произошла вспышка, а затем лампы перешли в режим тусклого аварийного освещения.

Что-то было не так. Повреждение тросов и встряска не должны были выключить основные генераторы энергии. Если это произошло, значит... По коже Андрея побежали мурашки. Вспышка была похожа на короткое замыкание. Если оно произошло, скорее всего внутрь купола попала вода. Он вспомнил слова Билла о том, что они сдвинули заряды ближе к обшивке. Если взрывы ее повредили, то купол скоро окажется затоплен.

Андрей побежал со всех ног. Короткие замыкания наверняка вызвали пожары, а это значило, что вместе с водой воздух будет вытеснять дым. Аварийное вещание говорило всем сохранять спокойствие и ожидать эвакуации, но он понимал, что это обман: никакой эвакуации не предусмотрено. Немногие знающие люди спасутся, добравшись до доков, но подлодок не хватит, чтобы вместить всех, а даже если хватало бы, увозить людей было бы некуда. Другие купола и так забиты.

Из-за угла вышла пара, мужчина и женщина. Они лихорадочно озирались по сторонам, и не понимали, что им делать. Андрей пробежал мимо, а затем остановился:

— Эй, вы двое! Хватит стоять, а ну за мной!

— Куда? — заговорил мужчина — мы должны ждать эвакуации.

— Не будет никакой эвакуации! Бегом к шлюзу, возможно мы успеем залезть в подлодку, прежде чем здесь все затопит.

Они сомневались. Чувство опасности подсказывало Андрею, что он должен торопиться, но вместе с этим к нему пришло и понимание, что, если он оставит их здесь, они умрут. Он не мог уйти. После всего что только что произошло. Он должен был спасти хоть кого-то.

По куполу прошла новая волна дрожи и на их ноги хлынула вода. Сомнения были моментально развеяны. Андрей пропустил их вперед, и побежал следом, изредка командуя им куда повернуть, чтобы быстрее добраться до дока.

Через несколько минут они достигли обшивки. Коридор разветвлялся, путь налево вел к доку, путь направо переходил в ступеньки. Вода уже доставала до колен. Парочка быстро повернула за угол, Андрей стал поворачивать за ними, но оглянувшись на ступеньки, встал как вкопанный: едва выше уровня воды на ступеньках сидел плюшевый медведь.

Он повернулся вслед паре: они уже влились в другую компанию людей, бегущую в сторону дока. Теперь пришел его черед колебаться. Но холод воды решил все за него. Мысленно послав все к черту, он рванулся вправо, и, подхватив мишку, побежал вверх по лестнице.

Ступеньки закончились, и Андрей оказался в тупиковой комнате. Он обессиленно опустился на пол: он оказался в местной альтернативе морга, месте, где совсем недавно старейшина отправился в свое “последнее путешествие”.

Бежать назад было уже поздно. Внезапно Андрея пробрал смех. Он сидел, думал о том, что погибнет одной из самых ужасных, по его мнению, смертей — утоплением. О том что больше никогда не вернется к Сэм. И он так и не увидит восход солнца. Никогда больше. А все это — потому, что он решил пойти за дурацким медведем из его собственных глюков. Каждая такая мысль вызывала у него лишь новый приступ хохота.

Наконец он отсмеялся вдоволь и поднял медведя на уровень своего лица:

— Ты спрашивал, как мне нравится мое приключение? Концовка дрянь. Но я не собираюсь сдаваться, я буду бороться, слышишь меня?

Он отбросил медведя в дальний угол и снова осмотрел комнату. Здесь не было ничего что могло бы его спасти, вентиляционные лазы были слишком узкими, чтобы лезть выше, но достаточными, чтобы вода затопила всю эту комнату. Лестница уже была наполовину затоплена, но перспектива нырять в темную воду казалась ему еще хуже ожидания. Он пошарил в карманах, но нашел лишь значок. Андрей сдвинул его между пальцами — так хотя бы его тело найдут. У Саманты будет шанс попроситься.

Андрей подошел к гробу. Провел рукой по холодному металлу. Представил себе старейшину, в последние моменты, когда он его видел.

— Я не справился. Пытался и не смог. Вы были правы, я не могу стоять в стороне, но я не тот человек, который может вести за собой других. А теперь из-за меня погибнет целый купол.

— Все мы совершаем ошибки. Некоторые можно исправить, а за некоторые мы платим до конца наших дней. Но ошибаться — это нормально. Только так мы узнаем ценность правильного решения.

— Похоже, конец моих дней наступит раньше, чем вы полагали...

— Неужели ты так ничего и не вынес из наших бесед. Иногда, чтобы подняться к свету, нужно опуститься во тьму...

— Да, да, а чтобы выжить, мне видимо придется пройти через смерть. Стоп, что?

Ответа не последовало, видение старейшины безвозвратно растворилось в воздухе. Но это уже не волновало Андрея. Он снова посмотрел на значок в своей руке — если он способен передать его местоположение даже в другом куполе... Времени на размышления больше не было — вода уже стала заполнять комнату. Андрей быстро активировал систему и запрыгнул в гроб перед тем, как на него опустилась крышка. Он закрыл глаза, чтобы не ослепнуть от вспышек сварки, а спустя мгновения ощутил, как ящик пришёл в движение.

Шлюз заполнился водой, и Андрей ощутил, как напрягся и застонал металлический гроб. Глупо было бы умереть сейчас. Но несмотря на опасения Андрея, конструкция выдержала. Скоро его подхватит течение и начнёт медленно уносить на глубину. Впрочем, вероятно, воздух в этом ящике закончится раньше, чем он успеет погрузиться достаточно глубоко.

Его единственной надеждой был сигнал передатчика и подлодки братства, которые наверняка уже направляются к 3 куполу, чтобы спасти тех, кого еще можно спасти.

Гроб был достаточно длинным, чтобы лежать в полный рост, но свободного пространства в нем предусмотрено не было. Вскоре темнота и нехватка места стали давить Андрею на психику. Он пытался дышать спокойно, чтобы экономить кислород, но сердце билось все сильнее и дышать стало трудно. Что ещё хуже, у гроба не было теплоизоляции и вскоре Андрей стал не на шутку замерзать от соприкосновения с ледяным металлом.

Сколько времени он уже провел в этом ящике? Часы? Минуты? Он не знал. Время словно перестало течь совсем, остался только он, темнота и его стальная темница. Успеют ли его спасти до того, как он задохнется? Ищут ли его вообще? Может передатчик и вовсе не работает?

Напряжение, копившееся в нижней части его живота без предупреждения хлынуло вверх по позвоночнику волной ужаса. Что угодно, только не это. Лучше умереть здесь и

сейчас, чем провести в этом ящике ещё секунду. Он стал кричать и бить руками об металл. Кулаки моментально разбились в кровь, но это его не остановило. Он продолжал трепыхаться, пока последние силы не оставили его.

И тогда тьма пошла в ответную атаку. Она терзала и метала его из стороны в сторону. Но самым худшим оказались голоса. Химик, повторяющий, что он должен закончить работу. Билл, кричащий, что ОНИ не позволят им подняться на поверхность. Но все это было вытеснено голосом, от одного звука которого Андрея кидало в мурашки. Хриплый, каркающий, он вновь и вновь спрашивал его, как ему нравится его приключение, а затем смеялся.

Андрей очнулся. Всё тело ломило, голова кружилась, но он был жив. Не открывая глаз, он стал судорожно глотать ртом воздух. Лишь надышавшись вдоволь, он попытался продрать глаза. Это оказалось не так просто, веки упорно не хотели открываться. А затем он стал чихать, и никак не могу остановиться.

— Лежи — скомандовал властный женский голос, а затем Андрей почувствовал, как кто-то ведёт влажной ватой по его глазам — ты переохладился и у тебя развилось несколько инфекций. Тебе нужно отдыхать.

— Где Сэм? Она спит? Или отошла поесть? — сбоку раздался стон — здесь есть кто-то ещё?

— После крушения купола большую часть спасенных доставили в братство. Многим нужна медицинская помощь, мест на всех не хватает. Так что постарайся не шуметь. Посетителей начнут пускать завтра. Пока отдыхай.

Андрей наконец смог открыть глаза. Медсестра отложила вату со следами гноя, мешавшего ему раскрыть веки, и вышла из палаты. Рядом лежало ещё несколько мужчин, но ни одного из них он не знал. Попытка приподняться привела к приступу кашля, и он понял, что это не лучшая идея.

Закрывать глаза не хотелось. Во-первых, он боялся, что они слипнутся обратно, во-вторых, ему нравилось смотреть на свет. Но усталость взяла свое и он провалился в легкий сон без сновидений.

На следующее утро один глаз открылся сразу, и нащупав вату, Андрей промыл второй. К моменту, когда в палату зашла медсестра, он уже сидел на кровати, спиной прислонившись к спинке и давно ждал её.

Сначала она проверила остальных пациентов, но они не подавали особых признаков сознания. Наконец, она добралась до него. После короткой проверки глаз и горла она констатировала: жить будешь. И добавила: к тебе посетительница.

Андрей подобрался, готовясь увидеть Саманту, но вместо неё в палату вошла Мина.

Он издал радостный возглас и попытался приподняться, но вновь зашелся в приступе кашля. Мина присела на краешек кровати рядом с ним и положила руку ему на лоб. Её кожа показалось ему холодной как лёд, но он не был уверен, что она действительно холодная. Возможно, у него просто поднялась температура.

Наконец поймав дыхание, он заговорил:

— Ты пришла в себя, слава богу! Я боялся, что ты так и не выйдешь из комы. Что с Артуром, он в порядке? В последний раз я видел его за пару десятков минут до того, как взорвались бомбы, они ведь успели добраться до подводных лодок? Много вообще людей удалось спасти? И где Сэм? Если честно, я ожидал увидеть её, а не тебя. Прости, я совсем забыл, что ты не можешь ответить. Просто у меня столько вопросов...

— Рада что ты пришел в себя — перебила его Мина. Ее голос был необычно низким для женского и слегка хрипел.

— Ты... говоришь?

— Да. И сейчас тебе надо помолчать и послушать. Я пришла в себя следом за вашим отплытием. Когда произошел взрыв, я отправила спасательные бригады. Так быстро как могла. Но всех спасти не удалось.

Её голос дрогнул, и она замолчала на несколько секунд. Речь давалась ей с трудом. Андрей же сидел и слушал ее затаив дыхание. Он до сих пор не мог поверить, что она говорит.

— Часть людей успела забраться на подлодки и отплыть до затопления. Но места на всех на хватало. Артур и остальные с ним пожертвовали своими местами. Они пытались вывести тех, кто не влез выше, видимо надеясь на воздушные карманы.

— Пытались?

— Карманы не продержались долго, вода была ледяной. К моменту, когда мы прибыли, было слишком поздно.

— Нет. Не верю, это же Артур, он нашел бы выход!

— Дослушай. Когда мы прибыли, мы не знали, есть еще внутри кто-то живой или нет. Мы отправили внутрь спасательные команды, но конструкция купола была слишком повреждена. Его остатки раздавило, пока они были внутри.

— Боже... Много наших погибло?

— Полтора десятка человек, не считая команду Артура. Андрей...

— Да?

— Среди них была Сэм.

Глава 19: Возрождение

Боль отступила. На ее место пришла пустота. Он физически ощущал падение, хотя продолжал видеть комнату вокруг себя. Внезапно он ощутил, что больше не может продолжать дышать, и снова, как в том гробу, забился в конвульсиях.

Андрей услышал свой собственный голос, доносившийся откуда со стороны. Кажется, он забывал. Краем глаза он заметил Мину — она крепко сжала его в объятиях и не давала ему двигаться. Однако ее прикосновений он не ощущал.

Андрей вновь потерял счет времени, а когда сознание наконец вернулось к нему, он обнаружил себя свернувшимся калачиком на своей постели и тихо всхлипывающим в подушку. Перед тем как провалиться во тьму, он услышал, как Мина обращается к медсестре:

— Передайте мне, когда он сможет ходить.

— Да, старейшина.

Андрей предпочел бы сны без сновидений, но его непрестанно преследовали кошмары. В них его медленно сжимали со всех сторон металлические стенки. Он кричал, метался, как зверь в клетке, но не мог вырваться. А каждый раз, когда они сближались совсем близко, он просыпался. В недолгие моменты пробуждения он слышал, как кто-то обсуждает что-то про лихорадку, стресс и последствия переохлаждения. А затем он снова забывался и кошмар повторялся.

Прошло несколько дней и Андрею стало медленно становиться лучше. Он немедленно попросил позвать Мину, но медсестра наотрез отказалась, мотивируя это тем, что теперь она никому не позволит помешать его выздоровлению, даже новому старейшине.

Глаза перестали гноиться, и он проводил много времени, изучая потолок. Его соседи по палате, люди, спасшиеся из третьего купола, несколько раз пытались завязать разговор, узнать больше о месте, где оказались. Но Андрей всегда отвечал односложно, и они вскоре оставили попытки. Меньше всего ему хотелось общаться с ними и помогать им пережить их катастрофу.

Наконец он смог встать на ноги и пройтись по куполу братства. Это место показалось ему совершенно незнакомым. Здесь и раньше был избыток людей, но сейчас даже в коридорах стояли кровати. Что уж говорить о помещениях, люди оказались даже в камерке Сэм. Бывшей камерке.

Напоминание о том, что она мертва, болью отдавалось в груди. Ему все казалось, что она вот-вот выйдет из-за угла, небрежно перекидывая косу через плечо. Он начинал размышлять о том, что было бы, не реши он тогда плыть в злосчастный третий купол. Может, она была бы сейчас жива. А быть может, они бы погибли вдвоём.

Глубокое дыхание помогало сосредоточиться на настоящем и ослабить тиски, упорно сдавливающие грудь. И всё же, совсем эта тяжесть не проходила. Несколько дней пролетели незаметно. Он ел, пытался медитировать, гулял по коридорам, спал — всё это смешалось для него в единую мешанину образов. Большую часть времени он не мог даже отличить, спит он или бодрствует.

Пробудил его сигнал сбора. Он звучал по-другому, чем стандартный звук приёма пищи. Беженцы не сразу поняли, что надо делать, но вскоре поддались стадному инстинкту, и последовали в тренировочный зал. Мина стояла на возвышении. Ее лицо как обычно скрывал капюшон, но Андрей всё равно узнал её фигуру. Он не стал пробиваться вперёд и

замер на краю толпы. Ему незачем было видеть её, а в зале была достаточно хорошая акустика чтобы слышать.

Когда толпа немного утомилась, Мина резко откинула капюшон. В передних рядах удивленно вскрикнули: не всё видели её шрамы до этого момента. Она же, как ни в чем ни, бывало, заговорила:

"Братья и сестры! Каждый из нас много потерял в последние дни. Друзья, семьи, близкие. Мы потеряли целый купол.

Мы были слишком далеко, чтобы заметить угрозу и вовремя прийти на помощь. Но мы всё ещё здесь. И пора нам выйти на свет.

Мы заявим о своём существовании и заключим союзы со всеми желающими куполами. Вместе мы сможем не только обеспечить безопасность человечества, но и наконец то начать двигаться вперед.

Начнём мы с того, что никто не делал уже 30 лет. Построим этому куполу свою ферму."

Мина прервалась и откашлялась. По залу прошел ропот. После стольких лет выйти из тени, открыто заявить о себе? Построить новую ферму? Толпа зрела и наконец кто то выкрикнул: "А где мы расположим эту ферму? Нам и так не хватает места для размещения всех людей!"

"Это правда. Поэтому мы возобновим работы, которые раньше сочли невозможными: мы начнём расширять купол вниз, в скалы морского дна.

Я никого не принуждаю, всем желающим будет предоставлено судья для перемещения в другой купол, если вы этого хотите.

Однажды мы уже потеряли этот мир. Я предлагаю вам перестать сидеть на руинах и ждать своего часа. Пора нам начать захватывать его обратно."

До конца дня в коридорах не стихали шумные споры. Андрей слушал их лишь краем уха. Он размышлял о том, что собирается делать дальше. Решение расширять купол было правильным. Да и скрыть существование братства теперь можно было бы только заставив всех спасённых остаться здесь.

Однако он не был уверен, что хочет быть частью всего этого. После произошедшего в третьем куполе его стала преследовать мысль, которую он упорно отбрасывал. Но как ни старался о ней забыть, она продолжала крутиться в мозгу. Возможно, внутри себя он уже давно принял решение, просто боялся себе в этом признаться.

На следующее утро он нашёл Мину в кабинете старейшины. Она устало смотрела в экран ноутбука и попивала чай. Усмехнувшись, он произнёс:

— Надеешься с привычками старейшины перенять и его мудрость? Я думал, ты зайдешь, когда я начну ходить.

— Прости, не было времени.

— Есть сейчас?

— Да, садись.

Андрей зажал тёплую чашку между рук. Он понятия не имел, как сказать Мине о своём решении, а она будто не замечала его напряжения. Наконец он решил начать издали:

— Много людей решило уйти?

— Около четверти. В основном это беженцы из третьего купола.

— Много. Некоторые наверняка ещё дозреют.

— Не думаю, что много. И нас все ещё значительно больше, чем было до происшествя.

Как думаешь, у нас получится?

— Что? Расширить купол вниз? Да, думаю с таким количеством людей получится.

— Я не совсем про это. Ты веришь, что мы сможем отстроиться? И что однажды мы вернемся на поверхность, сильнее, чем были до этого? Веришь, что человечество выживет? Или мы обречены и доживаем последние годы цивилизации перед полным вырождением и исчезновением?

— Вот это у тебя вопросы. Думаю, люди как тараканы. По одному их легко убить, но вывести всех практически невозможно.

— Тараканы? Кто это такие?

Повисло неловкое молчание. Только сейчас Андрей осознал, что за все время пребывания в куполе не видел ни одного таракана. По правде говоря, он вообще ни разу не сталкивался с насекомыми. Быть может, они изначально не попали в купола из-за строгого пропускного контроля или же они вымерли позднее.

— Ладно, долго объяснять. Я думаю, что если ты в это веришь, то по крайней мере у нас есть шанс. Глупо было бы желать чего-то большего.

— А что по поводу того, что сказал Билл? Ты веришь в то, что на поверхности что-то осталось?

— Откуда ты знаешь?

— Я видела записи. Напоследок старейшина смог взломать системы безопасности третьего купола, несмотря на противодействие Билла.

— Так ты все видела?

— Да.

— Я...

— Не надо. Это не твоя вина.

— Я мог убить его раньше. Мог остановить это. И Артур с Сэм были бы живы.

— Ты этого не знаешь. Он мог нажать кнопку умирая. Мог оставить еще один детонатор. Нет смысла думать о том, что могло бы быть. Надо двигаться вперед.

— Я не могу двигаться вперед. Не так. Собственно, это я и пришел тебе сказать. Старейшина убедил меня попробовать, и вот что из этого вышло. Он думал, что я займу его место, но сейчас я вижу, что ты с этим прекрасно справляешься. Что касается меня. Хочу закончить то, что собирался сделать уже очень давно.

— Ты хочешь подняться на поверхность?

— Да. Ты спросила, верю ли я Биллу? Недостаточно, чтобы рисковать жизнями всех. Но, возможно, он прав. И я готов поставить на это свою. Если там действительно можно жить, я вернусь, и мы отправимся наверх вместе. А если нет. Что же, я по крайней мере увижу небо.

Мина прикусила нижнюю губу. На ее лице мелькали следы внутренней борьбы. Наконец она встала из-за стола и пошла к нему навстречу. Андрей непроизвольно встал со стула. Мина подошла к нему вплотную, и глядя в глаза, произнесла:

— Ты можешь думать о себе что угодно. Но ты нужен здесь. Нужен этому куполу. И... ты нужен мне.

— Мина, я...

— Я не закончила. Ты нужен мне. Но если это твое окончательное решение. Я не буду тебя удерживать.

С этими словами она крепко прижалась к нему всем телом. Андрей обнял ее в ответ. Он

не знал, что сказать. И какая-то часть внутри него неприятно заломила — ему хотелось остаться с ней. Но он уже принял решение. И дороги назад не было.

Глава 20: Смерть

Субмарина медленно двигалась к поверхности. Андрей едва мог усидеть в кресле, его сердце бешено билось в груди. Время было раннее, около шести утра, а ночью он почти не спал, но от прилива адреналина он ощущал себя даже свежее чем обычно.

Прожекторы выхватили в темноте очертания первого купола. Здесь началось его знакомство с братством. Здесь оно и заканчивается. Он ощутил дежавю, когда его субмарина отправилась обратно, к братству, а он проследовал к подводной лодке, которую привел в порядок в прошлый раз.

Забросив внутрь свои вещи, Андрей в нерешительности замер. Какая-то его часть рвалась снова залезть на технический этаж и проверить, не окажется ли там игрушка медведя. Но голос разума пересилил, и Андрей продолжил подъем к поверхности.

Время ползло словно черепаха, но всё же не могло остановиться. И хотя минуты, потребовавшиеся на полное всплытие, показались Андрею часами, миг, которого он так долго ждал, наконец настал.

Перед крышкой люка он вновь замер в нерешительности. Действительно ли он хотел знать, что находится там, по другую сторону? Сейчас он уже не был так в этом уверен.

Слишком долго он ждал этого момента, чтобы быть удовлетворенным хоть каким-либо исходом. Но Рубикон уже был перейден и пути назад не было. Только вперед. С этой мыслью он открыл крышку люка и вылез на внешний корпус подводной лодки.

Первым, что он увидел было бескрайнее море, простирающееся до самого горизонта. В темноте оно сливалось с черным небом. Лодку покачивало, вокруг неё бушевали сильные волны. Одна из них разбилась о корпус и окатила лицо Андрея чередой брызг. Он автоматически облизал губы — и сразу ощутил знакомый привкус соленой воды. Но было в ней и что-то ещё. Что-то, отдававшее гарью.

Поймав баланс, Андрей медленно повернулся в противоположную сторону. Он увидел едва начинающий светлеть край неба, а под ним — темные очертания суши, до которой оставалось не более сотни метров. Недолго думая, он бросился в море и поплыл к берегу настолько быстро, насколько мог.

Вода была ледяной, но Андрей этого почти не ощущал. Всё что имело значение сейчас — он дышал чистым воздухом, и впервые за долгое время плыл по поверхности воды, периодически отфыркиваясь от солёной воды, попадавшей в рот и нос.

Он понял, что можно прекратить плыть лишь тогда, когда его руки коснулись жёсткого дна. Андрей неловко поднялся на ноги и вышел из воды. Впереди возвышались странные тени высотой в несколько человеческих ростов, но он не мог их разглядеть.

Страшная мысль пронзила его сознание. Андрей опустил на корточки стал внимательно ощупывать поверхность берега. Весь берег оказался одним сплошным камнем с очень гладкой поверхностью. Рано было делать какие-либо выводы, а поскольку вокруг было темно, Андрей медленно пошёл вглубь суши, по направлению к странным теням, торчавшим из земли.

Приблизившись, Андрей убедился в своей правоте: тени эти оказались гигантскими каменными сталагмитами, торчавшими из поверхности вздыбившихся горных пород. И всё же надежда не покидала его и, зацепившись за острые края, Андрей полез на вершину скалы.

Когда он достиг вершины, его ладони были изрезаны до крови. Пришлось оторвать

рукава от одежды, чтобы перевязать эти раны и приостановить кровотечение. Наконец, он закончил с этим и смог осмотреться. Небо уже достаточно посветлело, и теперь Андрей мог видеть простирающуюся на сколько хватает глаз каменную пустыню, из которой возвышались пузыри и каменные пики, подобные тому, на котором сидел он сам.

К своему удивлению, Андрей ощутил даже не столько отчаяние, сколько облегчение. Теперь он знал правду. Мир действительно был разрушен.

Он залез за пазуху, и вытащил водонепроницаемый пакет. Вероятно, ему стоило сделать это до купания в океане, но сейчас ему было всё равно.

Андрей вытащил из пакета счётчик Гейгера. Стоило его включить, как тот стал истерично надрываться, предупреждая об опасности. Андрей не стал смотреть на численные показания — он и так понимал, что уже получил свою дозу, и теперь остаток его жизни измеряется днями. Впрочем, если он был прав, радиация не самое страшное что может произойти с ним здесь, на поверхности.

Широко размахнувшись, Андрей отправил счётчик в полёт — в нём больше не было нужды. А вот второй предмет из пакета всё ещё обладал некоторой ценностью. Это было старое, потрепанное радио.

Андрей сомневался, что кто-либо мог выжить здесь, на материке. А даже если кто-то и выжил, им не было бы никакого резона подниматься на поверхность. И всё же, он обещал Мине что попробует найти выживших. Нарушать последнее данное им обещание перед смертью ему не хотелось.

Поэтому следующие полчаса он потратил, перебирая всё доступные частоты. Он говорил на языке куполов, и на других языках, которые он хотя бы немножко знал. Ответом была тишина.

Наконец он решил, что исполнил своё обещание и что дальше возиться с рацией бесполезно. Он уже собирался отправилась её в полёт следом за счётчиком Гейгера, когда рация странно затрещала. Андрей поднес её к уху лишь для того, чтобы вздрогнуть от каркающего смеха.

— Давай сыграем в игру горячо — холодно?

— Что?!

— Ты пытаешься меня найти, а я говорю горячо, если ты приближаешься, холодно, если...

— Я знаю правила.

— Хорошо, значит играем.

Происходящее казалось Андрею чем-то нереальным. Но ему уже нечего было терять, и он покорно последовал указаниям голоса из рации. Долго бродить не пришлось, и под одним из торчащих из земли пиков он нашёл мирно сидящего на земле плюшевого медведя. Андрей выронил рацию и обессиленно опустился на землю камень рядом с ней. Его уже не удивило, когда медведь заговорил:

— Похоже, твоё приключение подходит к концу.

— Что ты такое?

— Это не имеет значения.

— Не имеет значения?! Всё моё время здесь ты преследовал меня, действовал на нервы, подталкивал к чему-то. А сейчас, когда я вот-вот умру, ты появляешься передо мной только для того, чтобы сказать, что кто ты такой не имеет значения?

— Ты думаешь, что ты хочешь ответов. Но на самом деле это не так. Ты ведь сам давно

сомневаешься в своей адекватности. А даже если бы ты был уверен, что я реален, где гарантии что я говорю правду?

— Отвечай. На. Вопрос!

— Хорошо. Хочешь знать кто я? Я расскажу тебе кто я, я даже дам тебе не один вариант, а несколько. Вариант первый, всё твоё путешествие тебе только приснилось. О нет, подожди, даже лучше — следом за последним моментом, который ты помнишь из старой жизни, тебя сбила машина, ты лежишь в коме, а весь этот мир построил, чтобы смириться с произошедшим. Я же — голос твоего подсознания, который ведет тебя к выздоровлению. Не нравится? Ладно, пусть будет по-другому. Ты действительно переместился во-времени. Как? Хм, ну представь, что это — случайный эффект экспериментов людей "золотого века" со временем. Спасти себя они не смогли, а тебя вот переместили. А я — альтернативная личность в твоей голове, возникшая в результате стресса, гормонального сбоя от радиационного поражения и ещё кто знает каких последствий твоего перемещения во времени. Ладно, ладно, последний вариант. Я — хранитель времени, который переместил тебя в будущее, чтобы разрешить темпоральный парадокс. И с тех пор я наблюдаю за тобой, чтобы убедиться, что всё идёт по плану.

— Хватит морочить мне голову!

— А с чего ты вообще решил, что я буду отвечать на твои вопросы? Не припомню, чтобы мы с тобой подписали контракт, что по окончании твоего путешествия я хоть что-то обязан тебе объяснить.

— Но это...

— Нечестно? Добро пожаловать в реальный мир. Если тебе интересно моё мнение, то ты совершенно неправильно расставляешь приоритеты. Ты не знаешь, почему переместился во времени, и кто я такой. Но наверняка узнать никогда и не получилось бы. А вот что действительно важно, так это твоя история. То, как всё произошедшее повлияло на тебя и на тех, кто так или иначе стал частью твоей истории. Скажи, ты считаешь, что ты изменился за время, проведённое здесь?

— С чего мне отвечать на твои вопросы, если ты не отвечаешь на мои?

— Ты не обязан. Но всё равно ответишь. Видишь ли, ты скоро умрёшь. Ты и сам это знаешь, ты уже чувствуешь, как болит твой живот и дышать становится всё тяжелее. И ты знаешь, что намного раньше, чем последствия радиации убьют тебя, ты сгоришь под лучами солнца. Что весьма иронично, учитывая, как сильно ты хотел его увидеть.

— Да, я изменился.

— Как?

— Разве это можно описать словами?

— Попробуй.

— Я боролся. Пытался стать лучше. Взял на себя ответственность за других людей. А в конечном счёте я просто сломался. Я соврал Мине. Я не верю, что мы можем пережить это не после того, как я увидел, что мы потеряли целый купол. Безумие, саморазрушение, оно в самой нашей природе.

— Ты считаешь гибель купола такой катастрофой? Сейчас, когда ты видишь, что мир на поверхности разрушен, догадываешься, сколько людей тогда погибло. Важна ли гибель одного человека по сравнению с гибелью всего человечества?

— В масштабах вселенной даже гибель человечества как капля в море. Наверное, важно лишь то, чему мы придаем значение. Так что — зависит от человека. В конечном счёте от

нас ничего не останется.

— Ты не прав. Останутся ваши истории.

— Какой от них толк, если их некому будет рассказать?

— Всегда найдётся рассказчик и слушатель. Видишь ли, истории не умирают и не рождаются. Они существуют независимо от нашего мира и ждут своего часа. Часа, когда они смогут проявиться, быть рассказанными и услышанными.

— Если я в коме, а ты голос моего подсознания, то видимо меня крепко головой приложило, раз приходится от себя же такой бред выслушивать.

— Не хочешь верить, не верь, а вот говорить гадости совершенно необязательно. Ещё вопрос: какой идеи перемещений во времени ты придерживаешься?

— То есть?

— Когда кто-то перемещается в прошлое, что происходит? Он способен изменить что-либо, или мир с самого начала существует с учётом временной петли и на него невозможно повлиять? А если всё-таки можно, исчезнет ли старый мир без изменений, или останется существовать в виде параллельной вселенной?

— Какое отношение этот вопрос имеет к предыдущим?

— О, намного большее, чем может показаться на первый взгляд. Так что?

— Я особо об этом не задумывался. Но хочется верить, что у такого человека была бы возможность что-то изменить. И думаю, само перемещение во времени было бы разрушением старого мира и воссозданием его в том виде, в котором он был когда-то. Так что нет, никаких параллельных вселенных.

— Интересно. Последний вопрос. Почему ты не остался с Миной?

— Почему ты делаешь акцент именно на ней?

— Потому что мы оба знаем, что она к тебе равнодушна. Да, она не говорила этого, но ты почувствовал, когда она тебя обняла, не так ли? Возможно, ты не веришь, что человечество выживет в куполах, но не думаю, что ты верил рассказам безумца Билла, который утверждал, что поверхность цела. И все же ты оставил жизнь, которая могла сделать тебя счастливым, преследуя один шанс на миллион. Что это? То самое человеческое саморазрушение, о котором ты упоминал? Быть может, ты считаешь, что не заслужил любви, как ты говорил об этом Сэм?

— А знаешь что? Я передумал. Иди ты к чёрту, я предпочту провести остаток своего времени на берегу океана, чем отвечая на твои дурацкие вопросы.

— Как пожелаешь. Прощай. Больше мы не встретимся, это я тебе обещаю. Раз, два, три, четыре, пять, время оборачивается вспять.

С этими словами медведь замолк. Андрей встал и медленно поплелся обратно к берегу океана. Уже заметно посветлело и со стороны материка задул горячий ветер.

Андрей добрался до края воды. Только сейчас он заметил, что вода была не синей, а странного темно-зеленого оттенка, который местами и вовсе переходил в бурый. Он попытался покидать камушки в воду, но как он ни старался, они не отскакивали от поверхности больше одного раза. Сейчас он жалел, что не тренировался делать это раньше.

Наконец он прекратил попытки и сел к морю спиной. Его глаза были жадно прикованы к горизонту. Вот он и увидел то, чего так давно ждал: край неба стал ярко алым, а затем из-за него стал медленно подниматься солнечный диск. Воздух стал нестерпимо горячим и обжигал лицо Андрея, но он неотрывно продолжал смотреть на восход. "До чего же красиво" — промелькнуло в голове Андрея. Это была его последняя мысль.

Солнце приятно грело лицо, Андрей видел его свет даже сквозь закрытые веки. Со всех сторон доносились обрывки фраз куда-то спешащих людей, вдалеке гудели машины, а он молча стоял и наслаждался лучами солнца.

Стоп, машины? Люди? Андрей удивлённо открыл глаза и на мгновение ослеп — он и забыл, что повернулся лицом прямо к Солнцу. Наконец зрение к нему вернулось, и Андрей удивлённо огляделся — он стоял посреди площади, окружённый разномастной толпой людей, бегущих по своим делам.

Он не сразу узнал это место. Та самая площадь, тот самый момент перед перемещением в будущее. Но как это возможно? Неужели всё произошедшее нереально? Нет, этого просто не может быть.

Голова закружилась, живот свело, и Андрей резко упал на колени. Несколько человек остановилось, чтобы спросить нужна ли ему помощь, но испуганно отдернулись, когда его стошнило прямо на плитку.

Кое-как протерев рот рукавом и неловко извинившись перед людьми, которые быстрее поспешили дальше по своим делам, желая как можно быстрее забыть увиденное, он поплелся в сторону своей квартиры, благо до неё было недалеко.

Добравшись до неё, он принял прохладный душ, закинул в себя пару таблеток от живота и развалился в компьютерном кресле. Сейчас воспоминания о куполах стали отступать, и он всё лучше помнил, а что же происходило с ним день или два назад, о домашних работах, которые надо сделать, и встрече с друзьями, которая была назначена на завтра.

Постепенно, он стал убеждать себя, что это был сон. Ладно, не сон, а какое-то странное видение, глюк. У него бывали головокружения раньше, теперь вот видения. Надо записаться на МРТ, проверить всё ли нормально с мозгом.

Чтобы хоть как-то отвлечься, он запустил ютуб, поставил громкость посильнее, и принялся готовить себе еду. Салат уже был почти закончен, когда видео переключилось автоматически. Андрей замер как вкопанный, услышав, как ведущий новостей рассказывает о запуске международного космического проекта, с целью освоения ископаемых ресурсов на других планетах.

Спикер продолжал вещать, но Андрей его уже не слышал. У него в глазах потемнело, а затем, неожиданно для себя, он резко метнул кухонный нож в экран ноутбука.

Нож вонзился ровно в середину экрана. Изображение исчезло, но звук продолжал доноситься из динамиков. В ярости Андрей вырвал нож из экрана и продолжал кромсать им машину, пока она не замолчала. Хорошо что рукоятка ножа была деревянной, а то ведь и током ударить могло.

Он остановился и с удивлением посмотрел на свои руки. Это были обычные руки, не подкачанные, не обожженные кислотой, и сейчас они болели от непривычного напряжения. Он взял в руки нож и покрутил его.

Ощущения были необычные: его тело никогда не делало ничего подобного, но в то же время он знал, что надо делать. Он снова без особого труда метнул нож, на этот раз в стену. Теперь он был уверен, что это был не глюк и не видение.

Каким-то образом все навыки, которым он научился в братстве, перенеслись в прошлое вместе с ним. Голова снова закружилась, и Андрей решил выйти на улицу, подышать свежим

воздухом, и решить, что делать дальше.

Ребенок, игравший в песочнице, с любопытством наблюдал за взрослым, странно покачивавшимся на скамье напротив. Было уже поздно, и он знал, что надо собираться, ведь мама вот-вот позовет домой, но вместо этого он пытался рассмотреть каракули, которые этот взрослый выводил длинной палочкой на песке перед скамейкой.

Наконец этот странный незнакомец встал, коротко посмотрел на получившийся на песке рисунок, и переломив палочку посередине, ушёл прочь.

Ребёнок подошёл к скамейке, чтобы посмотреть на рисунок с ракурса рисовавшего. Однако его ожидало разочарование: каракули оказались не рисунком, а гигантской надписью «Братство», кривым почерком выведенной на песке.

Ребёнок поковырял в носу, размышляя что всё это может значить, и о каком таком братстве может идти речь, но услышал окрик своей мамы, и бросился собирать разбросанные по песочнице игрушки.

Андрей же медленно шагал прочь от детской площадки, повторяя как мантру одну единственную фразу: "Когда-то я был похожим на тебя, и, как и ты, стремился к свету. А сейчас я вижу, что наше будущее там, внизу, во тьме"...

Больше книг на сайте - Knigoed.net